Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 24 (6990) | 25 января 1937 г., понедельник | ЦЕНА 10 КОП.

Вчера Верховный Суд допросил подсудимых Радека, Сокольникова и Серебрякова. Предстала картина гнуснейшей измены, сговора с представителями фашистских государств, террора и диверсий, совершенных подлыми врагами народа.

По всей стране идет грозная волна народного гнева. Трудящиеся СССР, крепче сплачиваясь вокруг большевистской партии и советского правительства, шлют проклятья презренной банде Иуды-Троцкого.

Стереть с лица земли гнусных наемных псов фашизма—таково требование великого народа.

Торговцы родиной

На скамье подсудимых в Октябрьском зале Дома союзов сидит группа подлых изменников родины. Бесстрастным, деревянным голосом профессора по кафедре вредительства дает показания Пятаков. Его сменяет циничный, нагло-развязный Радек. Из уст предателей сочится, как гной, жуткий рассказ об их торговле родиной.

Трудно найти в истории человечества подобные примеры циничного, подлого предательства своей страны. Талейраны, менявшие, как перчатки, одних буржуазных хозяев на других, — малые дети по сравнению с троцкистами. Версальцы, пользовавшиеся косвенной помощью немцев, чтобы раздавить Парижскую Коммуну, выглядят щенками по сравнению с этой стаей злобных, одичавших троцкистских волков. Колчак, Деникин, Юденич, — и те имели какую-то свою «белую идею» родины, мечту о «единой и неделимой» помещичье-капиталистической России, управляемой штыком и нагайкой генеральской диктатуры. Даже у фашистов — и у тех есть свой, фашистский национализм. Но ниже их всех скатились в чудовищном предательстве своей страны троцкистские выродки.

Девятнадцать лет назад рабочий класс СССР взял власть в свои руки, чтобы построить социалистическое общество. Он победил под руководством большевистской партии. Против большевиков Троцкий боролся почти в течение всей своей жизни. Зиновьев и Каменев предавали партию и рабочий класс в дни предоктябрьских боев. Радек и Пятаков в тяжелые дни Брестского мира толкали страну на провокационную авантюру и заявляли, что они готовы пойти на «возможность утраты советской власти». Когда наша страна, под твердым руководством партии Ленина—Сталина, пошла по пути строительства социализма, троцкистско-зиновьевская банда орала на весь мир: «Назад! Нельзя построить социализм в нашей стране. Не смеете!» Партия разгромила тогда троцкистско-зиновьевский блок. Сейчас трудящиеся СССР завершили в основном построение социализма в нашей стране.

По мере непрерывного роста благосостояния нашей социалистической родины возрастала злоба троцкистских реставраторов капитализма. Они не могли рассчитывать на какую бы то ни было поддержку народов Советского Союза. Глубокое презрение к народным массам питали предатели, не имевшие ни малейшей опоры в массах. Изолированные, озлобленные, они пошли по пути террора, шпионажа и диверсий.

В подметках поношенных немецких ботинок вредитель Шестов привозит из Берлина письменные директивы Троцкого: стрелять в руководителей большевистской партии и советского правительства. Троцкистско-зиновьевский блок спешит выполнить эту директиву. Зиновьев об'являет делом своей, зиновьевской, «чести» убить тов. Кирова. Троцкистский антисоветский центр организует покушение на жизнь тов. Молотова.

Один террористический акт удался троцкистским убийцам: предательской пулей пробита драгоценная голова Сергея Мироновича Кирова. Троцкий торопит убийц: стреляйте скорее и больше! Троцкистский центр подготовляет «концентрированный террористический акт» — убийство целой группы руководителей партии и правительства. Но это лишь «первый вариант», как выражается Троцкий, его пути к власти. Второй, по мнению троцкистов, наиболее вероятный вариант — вызвать войну, добиться военного поражения СССР в результате войны с Германией и Японией. А чтобы вызвать войну, надо открыть ворота в СССР фашистским интервентам, надо гарантировать им жирную добычу, надо активно содействовать им шпионажем и диверсиями. Троцкистская «теория» о невозможности построения социализма в одной стране развивается до своего логического конца — необходимости свержения социализма при помощи фашистской интервенции.

За «теорией» следуют дела. Троцкий ведет переговоры и затем заключает соглашение с заместителем Гитлера — Гессом, фашистским теоретиком колониальных захватов, руководителем особой разведывательной службы германской фашистской партии, правой рукой «фюрера» по организации крупных политических авантюр. Обе, достойные друг друга, договаривающиеся стороны вели бесстыдный торг о купле-продаже территории, свободы и независимости Советского Союза. Германскому фашизму, по договору Троцкого—Гесса, отдавалась Украина — страна, богатая хлебом, углем и металлом. Она должна была стать, как цинично признали Радек и Пятаков, германской колонией, а украинский народ — колониальным рабом фашистских генерал-губернаторов. Цветущая, экономически возродившаяся после хозяйничанья германских оккупантов в 1918 году, Украина отдавалась троцкистами на грабеж и фашистское насилие, обрекалась на голод, национальное угнетение, на режим расстрелов, виселиц и концентрационных лагерей. Запродажа Троцким Украины германским фашистам была одобрена антисоветским троцкистским центром в СССР. Радек подкреплял политические сделки Троцкого с германским фашизмом в своих личных беседах в Москве с военным атташе—фашистским генералом от диверсии.

Сделка с германским фашизмом представлялась, однако, недостаточной для троцкистских торговцев родиной. Она дополняется сделкой с военно-фашистской Японией. Троцкий обещает отдать ей Приморье и Приамурье. Предатель Сокольников в беседе с иностранным послом подтверждал от имени троцкистского центра «серьезность» обещаний, данных Троцким японцам. Недаром так много раз за последние два года японская военщина пыталась прощупать штыком, крепка ли советская граница на Дальнем Востоке, не время ли оторвать кусок за куском те области, которые уступал Японии атаман бандитской шайки Троцкий. Наши герои-пограничники грудью защищали дальневосточные земли социалистической родины, на которые покушалась японская военщина. Раненые бойцы писали из лазарета товарищу Сталину: «Стиснув зубы с беспредельной ненавистью к врагам человечества, поджигателям войны, мы дрались за каждый вершок советской земли». Теперь герои-красноармейцы узнают, как Троцкий торговал их кровью, торговал защищаемой ими советской землей.

Не только отдельными территориями,— всей страной торговали троцкистские изменники. По договору с германским фашизмом—об этом достаточно цинично рассказывал Радек,—они обязались отдать германскому и японскому капиталу фабрики и заводы, шахты и рудники. Они отдавали германским капиталистам железную руду, марганец, нефть, золото и лес. Они продавали независимость страны, идя на превращение СССР в колонию фашистской Германии. Они торговали народами Советского Союза, как торгуют крепостными рабами.

Чувства жгучего негодования и ненависти охватывают трудящихся нашей страны, узнавших о том, как подло торговали троцкисты нашей землей, нашей свободой, нашей независимостью.

Мы горячо любим наше великое социалистическое отечество. Из края в край нашей страны звенит песня о том, что «родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Над нашей матерью-родиной хотели надругаться троцкистские выродки.

Любовь к родине — это могучая сила, сплачивающая многонациональные республики Советского Союза. Нам дорога наша родина, каждый клочок ее земли. Нашим священным лозунгом, нашей социалистической заповедью являются слова товарища Сталина: «...своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Торговать нашей родиной мы никому не позволим. Суровая рука советского правосудия беспощадно покарает подлых троцкистских изменников социалистического отечества трудящихся всего мира.

Митинг рабочих шлифовального цеха I Государственного шарикоподшипникового завода им. Л. М. Кагановича (Москва), посвященный суду над антисоветским троцкистским центром. Выступает начальник отделения шлифовального цеха тов. **Соловьев**.

Фото **М. Бернштейна**.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ЯПОНИИ

ТОКИО, 23 января. (ТАСС). Агентство Домей Цусин сообщает, что, в связи с правительственным кризисом, в военных кругах «желают образования сильного правительства, состоящего из лиц, правильно расценивающих нынешнее серьезное международное положение и намеревающихся с решимостью осуществить всеобщее обновление внутри страны». В военных кругах, продолжает агентство, категорически отвергают всякие компромиссы с политическими партиями, «чья оценка нынешнего положения резко расходится с оценкой армии».

Как заявляет агентство, в военных кругах указывают далее, что, если будет образован кабинет, «сотрудничающий с этими политическими партиями, или кабинет, в котором будут участвовать члены этих политических партий, — армия воздержится от посылки военного министра в такой кабинет».

ТОКИО, 24 января. (ТАСС). Японская печать сообщает, что главный церемониймейстер императорского двора Хякутаке еще вечером 23 января направил своего заместителя в резиденцию генро (главный советник императора) Сайондзи—в Окицу (близ Сидзуока) с уведомлением, что император желает получить совет генро по вопросу о назначении нового премьера.

Большинство газет считает, что наибольшие шансы среди других кандидатов на пост премьера имеет принц Коное, пользующийся, по общему мнению, большим доверием в военных кругах. Далее газеты в качестве возможных кандидатов в премьеры называют Минами, Угаки, Суэцугу, Хиранума, бывшего военного министра Хаяси и бывшего министра внутренних дел в правительстве Окада—Гото.

В связи с этим большой интерес вызывает интервью Коное, опубликованное сегодня в газете «Иомиури». Коное указал, что задача нового премьера будет исключительной в виду глубокого политического кризиса. Далее он заявил: «Кто бы ни занялся сформированием нового кабинета, он должен будет уважать парламентаризм, не базируясь целиком, на взглядах военных кругов». Однако Коное тут же оговорился, что «уважение парламентаризма не обязательно означает уважение существующих политических партий».

В заключение Коное сказал, что состояние его здоровья с марта прошлого года (когда он отклонил поручение сформировать кабинет, ссылаясь на слабое здоровье) не изменилось, и добавил, что сформирование нового кабинета — весьма трудная задача.

Газета «Асахи» пишет, что в кругах партий Минсейто и Сейюкай с необычайной тревогой следят за развитием политического положения, опасаясь, что представители политических партий не будут включены в новое правительство.

Газеты «Асахи» и «Ници-ници» подчеркивают наличие различного подхода к нынешнему кризису со стороны военных и морских властей. Обе газеты указывают, что морские власти, ссылаясь на усиленное морское строительство в США и Англии, настаивают на скорейшем принятии морского бюджета 1937—1938 г. сессией парламента. Поэтому морские власти, вероятно, потребуют от нового правительства продолжения работы сессии.

Каким бы ни было новое правительство по своему составу, пишет «Асахи», все равно в свете обстоятельств, приведших к отставке правительства Хирота, считается почти немыслимым, чтобы правительство попыталось провести через сессию бюджет и законопроекты, разработанные правительством Хирота. Поэтому, очевидно, новое правительство распустит парламент для того, чтобы путем новых выборов создать новое соотношение сил в парламенте.

ТОКИО, 23 января. (ТАСС). По сообщению агентства Домей Цусин, «Дзикноку киогикай» (фашистская организация) после состоявшегося сегодня экстренного заседания опубликовала обращения, адресованные военному министру Терауци и морскому — Нагано. По словам агентства, «Дзикноку киогикай» в своем обращении к Терауци приветствовала его твердую позицию в связи с политическим кризисом.

В обращении к Нагано «Дзикноку киогикай» указывает, что посредничество Нагано в достижении компромисса между слабым правительством Хирота и политическими партиями, а также нежелание его сотрудничать с военным министром во всестороннем обновлении государственной администрации противоречат целям японского флота. Поэтому, говорится в обращении, морской министр Нагано должен взять на себя ответственность перед троном и уйти в отставку.

ЗАПРОС ВАТАНАБЭ

ТОКИО, 23 января. (ТАСС). Агентство Домей Цусин сообщает, что в верхней палате японского парламента выступил Ватанабэ, который резко критиковал внутреннюю и внешнюю политику правительства и в частности указывал, что дипломатические провалы правительства Хирота об'ясняются «отсутствием установленной внешней политики».

Ватанабэ заявил также, что «отказ Советского Союза подписать новую рыболовную конвенцию является поражением японского правительства» и что заключение германо-японского соглашения вызвало много недоумений и недоразумений со стороны иностранных держав, и поэтому возникает вопрос, не совершил ли Арита в связи с этим ошибку. Агентство далее особо отмечает, что Ватанабэ в резкой форме предостерегал против тенденции установить фашистскую диктатуру в Японии и призывал к уважению парламентаризма.

«Либао» о речи Хирота

ШАНХАЙ, 23 января. (ТАСС). Газета «Либао», комментируя речь Хирота на сессии японского парламента, пишет:

«Совершенно абсурдны попытки Хирота возложить на Коминтерн вину за напряженность отношений между Китаем и Японией. Мы должны сказать откровенно, что пока существуют так называемые «три принципа» (т. н. «три принципа» были разработаны Хирота в 1935 г. и преследуют цели политического и экономического закабаления Китая Японией), до тех пор не найдется ни одного китайца, который пожелал бы быть рабом Японии.

Газета советует Японии пересмотреть свою политику по отношению к Китаю, заявляя при этом: «Мы не рассчитываем все же, что японское правительство примет наш совет, и поэтому готовы начать борьбу за возвращение наших потерянных территорий при помощи силы».

Слушай, моя родина!

Слушай, моя родина, пришедшая к счастью,
Слушай, народов великая мать.
Тебя эта сволочь хотела на части
Разрезать
и по частям продать.
Слушай, колхозник, слушай, рабочий,—
Подлее этой измены нет.

Входил дипломат, господин Многоточие,
В дипломатический кабинет.
Он знал, что дело окончит быстро,
Что долгие речи здесь не нужны,
Что Радек, Сокольников — специалисты
По распродаже нашей страны.
И они деловито, спокойно, не споря,
Понимая друг друга вполне,
Одной стране отдавали Приморье,
Украину — другой стране.
Что им, жалко? Ешь на здоровье!
Железо, пшеница, уголь, — бери.
«Побольше эффекта! Побольше крови!»—
Троцкий кричал из своей норы.
Он был недоволен, сердился, ругался:
«Охват ничтожен, размах не таков!»
На самолете Гестапо мчался
В Осло, к нему на доклад, Пятаков.
Больше убийств!
Изо лжи и грязи,
В этом деле искусный весьма,
Выползал на «работу» Князев,
Которому прозвище: Князев-Чума.
Разведка японцев похвастать могла им:
Полз крушений огонь и дым.
Взгляните:
на лбу мерзавца пылает
Кровь красноармейцев,
убитых им.

Он смертью рыскал по перегонам,
Он жертвы подсчитывал по ночам,
Он швырял под откос вагоны,
Но «мало, мало!» — Троцкий кричал.
И Князев старался, исчадие тьмы,
Рука его подлая не холодела,
Когда он готовил бациллы чумы,
Чтоб в час военный
пустить их в дело.
Чтобы микробом проникнуть, пройти,
Он смерть готовил в пробирках, в облатках,
Он звал холеру, чуму и тиф
Себе на помощь в решительной схватке.
Родина!
Видишь, — как мерзок враг.
Неистовый враг заводов и пашен,
Как он пробирался с ножом в руках
К сердцам вождей,
а значит — и к нашим.
Но славным отрядом твоих часовых
Он пойман, разбит и покрыт позором.
И если б не стража, — каждый из них
Был бы на части народом разорван.

Родина!
Мы полной грудью живем.
Мы не боимся и не угрожаем.
Мы даже людьми их не назовем.
Слово «люди» мы уважаем.
Суд окончит свои заседанья.
Огни погасит судебный зал.
В конце их гнусного существованья
Волей народа
раздастся
залп.

ВИКТОР ГУСЕВ.

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ XIV С'ЕЗД СОВЕТОВ УССР

КИЕВ, 24 января. (**Корр. «Правды»**). 25 января в помещении Государственного ордена Ленина академического театра оперы и балета открывается Чрезвычайный XIV С'езд Советов УССР. На повестке дня—проект Конституции Украинской Советской Социалистической Республики. Докладчик тов. П. П. Любченко.

В столице Советской Украины большое оживление. Идут приготовления к с'езду. Прибывают делегаты—знатные люди республики. Среди уже зарегистрировавшихся в мандатной комиссии много имен, известных всей стране: тт. Стаханов, Мазай, Мария Демченко, Ганна Кошевая, академик Богомолец, писатели Корнейчук и Микитенко, академик Палладин, знатная доярка Мария Прут, дважды орденоносная летчица Мария Нестеренко, получившая недавно звание старшего лейтенанта, и другие.

Сегодня к 9 часам вечера было выдано 518 мандатов. Среди прибывших — 131 орденоносец.

НАЧИНАЮТСЯ СТУДЕНЧЕСКИЕ КАНИКУЛЫ

Закончилась зимняя зачетная сессия. Сегодня начинаются студенческие каникулы. Студенты большинства столичных учебных заведений проводят свои каникулы в подмосковных домах отдыха. Организуются студенческие экскурсии в пушкинские места — Ленинград, Ярополец, Болдино и Михайловское.

На время каникул Московский университет, Архитектурный институт, Литературный институт им. Горького и другие организуют коллективное посещение студентами пушкинских спектаклей в театрах столицы. Для студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии устраиваются экскурсии в Музей В. И. Ленина, музей Революции, Центральный Дом Красной Армии и на выставку картин Сурикова.

Московские студенты во время каникул примут участие в многочисленных зимних спортивных соревнованиях, совершат несколько лыжных походов, выедут на охоту в подмосковные угодья.

Зимние студенческие каникулы продлятся до 6 февраля.

СОВЕЩАНИЕ ЖЕНЩИН—ТРАКТОРИСТОК, ШОФЕРОВ, КОМБАЙНЕРОК, БРИГАДИРОВ И МЕХАНИКОВ

ВОРОНЕЖ, 24 января. (ТАСС). Вчера в Воронеже открылось первое областное совещание женщин—трактористок, комбайнерок, бригадиров, механиков машинно-тракторных станций и совхозов. На совещание прибыло свыше 300 делегаток, среди них—6 орденоносцев: Матрена Тимашева, занявшая одно из первых мест во всесоюзном соревновании женских тракторных бригад, Александра Булатова и другие.

В прошлом году на машинно-тракторных станциях области работало 23 женских тракторных бригады. 1.719 женщин работали трактористками, 730 — комбайнерками, 79—шоферами, 49—бригадирами тракторных бригад. В этом году количество женщин, работающих на машинах, удвоится. Уже сейчас на курсах трактористов учатся 3.357 женщин.

Сейчас все 9 трактористок из бригады орденоносца тов. Тимашевой выдвинуты дирекцией Шишовской машинно-тракторной станции бригадирами тракторных бригад. Все они овладели техникой работы на повышенных скоростях.

Совещание единодушно одобрило выдвинутое областным комитетом комсомола предложение — добиться в этом году первенства в соревновании женских бригад.

Совещание продлится три дня.

В последний час

УГАКИ ФОРМИРУЕТ НОВОЕ ЯПОНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

ТОКИО, 24 января. (ТАСС). Агентство Домей Цусин сообщает, что лорд-хранитель печати Юаса, ездивший сегодня в резиденцию генро Сайондзи в Окицу для получения его совета относительно кандидатуры премьера, вернулся с ответом Сайондзи. Немедленно по возвращении Юаса проследовал во дворец и был принят императором. Затем во дворец был вызван Угаки, очевидно, для поручения сформировать новый кабинет. Угаки, по словам агентства, в настоящее время находится в городе Нагаока (префектура Сидзуока). Получив вызов императора, Угаки немедленно выехал в Токио.

В политических кругах, комментируя вызов Угаки во дворец, отмечают, что при сформировании кабинета ему предстоит преодолеть крупные затруднения, ибо некоторые группы военных настроены к нему отрицательно, считая его слишком тесно связанным с политическими кругами.

В то же время в политических кругах считают, что кандидатура Угаки будет встречена с известным удовлетворением в кругах партий Минсейто и Сейюкай, которые надеются, что Угаки найдет соответствующую форму для сотрудничества с ними.

ТОКИО, 24 января. (ТАСС). Агентство Домей Цусин сообщает, что Угаки, прибыв в час ночи (по местному времени) в Токио, был немедленно принят императором, который поручил ему образование нового правительства. Угаки принял поручение и, по словам агентства, 25 января приступит к переговорам с политическими деятелями о составе нового правительства.

ПУШКИНСКИЙ ВЕЧЕР В ПАРИЖЕ

ПАРИЖ, 24 января. (**Соб. корр. «Правды»**). В «Институте интеллектуального сотрудничества» состоялся литературный вечер, посвященный памяти Пушкина. С речами о Пушкине выступили писатели Леворнан, Луи Арагон и Шарль Бребан.

Открыл вечер министр просвещения Жан Зей, который в своей речи отметил, что Пушкин, «оставаясь национальным поэтом, является в то же время поэтом всего человечества».

На вечере присутствовал полпред СССР во Франции тов. Потемкин.

Одно из парижских издательств выпустило собрание сочинений Пушкина.

Н. Майорский.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 23 ЯНВАРЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДОПРОСА ПОДСУДИМОГО ПЯТАКОВА

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций.

Пятаков: Я уже показывал, что вредительская работа была развернута на Украине, главным образом, по линии коксохимической промышленности. Вредительская работа состояла в том, что вновь строящиеся коксовые печи вводились в эксплоатацию недостроенными, вследствие чего они быстро разрушались, и, главным образом, задерживалась и почти не строилась на этих заводах химическая часть, благодаря чему громадные средства, которые вкладывались в коксохимическую *промышленность, наполовину, если не на* две трети, обесценивались. Самая ценная часть угля, а именно химическая часть, не использовалась, выпускалась на воздух. С другой стороны, портились новые коксовые батареи.

Западно-сибирская троцкистская группа вела активную вредительскую работу в угольной промышленности. Эту работу вели Шестов и его группа. Там была довольно многочисленная группа, которая работала, главным *образом, по линии* создания пожаров на коксующихся углях в шахтах. Вредительская работа шла на Кемеровском химическом комбинате. На первых порах работа состояла в том, что задерживался ввод в эксплоатацию вновь строящихся об'ектов, средства распылялись по второстепенным об'ектам и, таким образом, огромнейшие сооружения находились все время *в процессе* стройки и не доводились до состояния эксплоатационной готовности. По линии электростанций проводилась работа, уменьшающая актив энергобаланса всего Кузнецкого бассейна.

Вышинский: Норкин, Карцев, Дробнис были в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе дела. В курсе дела были, конечно, Муралов и Богуславский.

На Урале было два основных об'екта, на которых была сосредоточена вредительская деятельность. Один об'ект — это медная промышленность и второй об'ект — Уральский вагоностроительный завод.

В медной промышленности дело сводилось к тому, чтобы, *прежде всего, снижать* производственные возможности действующих медных заводов. Красноуральский медный завод и Карабашский медный завод производственную программу не выполняли, происходило огромное расхищение меди, которая поступала на завод, были огромные потери. Карабашский завод все время находился в лихорадке. На Калатинском заводе обогатительная фабрика все время работала скверно, там также шло вредительство.

Вышинский: А кто конкретно, персонально вел вредительскую работу?

Пятаков: В основном эту работу вел Колегаев — управляющий Уралсредмеди.

Вышинский: Он вел это по собственной инициативе или по указаниям?

Пятаков: Вообще все это делалось не по собственной инициативе, а по директиве Троцкого, затем персонально по моим директивам.

На Урале строился большой медный завод Средуралмедстрой, который должен был сильно пополнить медные ресурсы страны. Но на этом заводе сначала Юлиным, начальником Средуралмедстроя, затем Жариковым велась вредительская работа, *сводившаяся к тому, чтобы, прежде всего,* распылять средства, не доводить до конца и вообще канителить со строительством.

Надо сказать, что когда я весной 1935 г. был на этой стройке, то увидел, что вредительская работа так бессовестно грубо велась, что самому поверхностному наблюдателю было видно, что на строительстве неладно. Мне пришлось в этом отношении Жарикову, начальнику строительства, дать указание, чтобы быть осторожнее, как-нибудь сманеврировать, проявить хоть какую-нибудь энергию в строительстве, начать строительство, но, во всяком случае, с таким расчетом, чтобы до конца его не доводить.

На Урале же по линии медной промышленности и по линии бытовой шла преступная работа на Средуралмедстрое и Красноуральске, прежде всего, в смысле расположения поселка. Мы его приблизили *на расстояние 1—2 километра* к заводу, что, вообще говоря, не разрешается по санитарному закону, поскольку это производство вредное. С другой стороны, вообще задерживали строительство поселка и создавали невыносимое положение по Средуралмедстрою. Весь замысел Средуралмедстроя был в том, что *он должен был* скомбинировать металлургическую и химическую *части. Химическая часть не строилась совсем. Я* сделал так, что отделил эту химическую часть, передал ее в Главхимпром Ратайчаку, где она замариновалась окончательно. Но если плохо шло строительство самого завода, то еще больше отставала рудная база. Я лично, кроме всего прочего, отделил эту рудную базу от строительства завода с таким расчетом, что *рудная база подготовлена не будет.*

Теперь о вагоностроительном заводе на *Урале, где работал начальником строительства* троцкист, участник уральской группы — Марьясин. Правительство уделяло очень большое внимание этому заводу, отпускало на этот завод большие средства, чтобы, как можно скорее, его достроить, так как один этот завод должен был выпускать больше вагонов, чем все вагоностроительные заводы, вместе взятые.

Марьясин проводил вредительскую работу по следующим направлениям. Прежде всего, направлял средства на ненужное накопление материалов, оборудования и прочего. Я думаю, что к началу 1936 года там находилось в омертвленном состоянии материалов миллионов на 50.

Затем качество строительства. Цех крупного строительства, инструментальный цех, затем центральный — вагоносборочный цех завода систематически задерживались строительством.

За последнее время вредительство приобрело новые формы. Несмотря на то, что завод с 2—3-летним опозданием начал переходить к эксплоатационному периоду, Марьясин создал невыносимые условия работы, создал склоку, *одним словом,* всячески затруднял эксплоатационную работу.

Что касается Москвы, здесь определенную работу в химической промышленности проводил Ратайчак.

Вышинский: Нельзя ли уточнить, что значит «определенная работа»?

Пятаков: Я сейчас перейду к этому. Я могу припомнить следующие дела в этом направлении. Прежде всего, был составлен совершенно неправильный план развития военно-химической промышленности... Тут некоторые военные вопросы.

Председательствующий Ульрих: Это придется отложить до закрытого заседания.

Пятаков: Затем в серно-кислотной промышленности, главным образом, скрывались и *снижались мощности заводов* и, тем самым, не давалось то количество серной кислоты, которое можно было дать.

По линии содовой промышленности, несмотря на то, что наша страна изобилует солью и сырья для соды сколько угодно и производство соды известно хорошо, в стране дефицит соды. Задерживалось строительство новых содовых заводов.

Вышинский: Чем это вызывалось?

Пятаков: Моей и Ратайчака деятельностью.

Вышинский: Какой деятельностью? У вас были две деятельности — официальная и скрытая.

Пятаков: Я сейчас, конечно, говорю о преступной деятельности. Те новые заводы, которые намечались, как Усолье, Баскунчак и т. д., всячески задерживались.

В отношении азотной промышленности. Здесь и Ратайчак и Пушин, главным образом Ратайчак, приложили свою вредительскую руку при моем непосредственном участии. Здесь шла систематическая переделка проектов, постоянное затягивание *проектирования* и тем самым затягивание строительства.

Вышинский: *Искусственное?*

Пятаков: Ну, конечно. Несмотря на принятое правительством решение, несколько заводов вообще не строились.

Вышинский: Расскажите о вашей диверсионной деятельности.

Пятаков: Собственно, все происходило по нашим указаниям и по моим, в частности. Установка давалась, *но я не могу* конкретно сказать, что я давал указания произвести именно такую-то и такую-то диверсию.

Вышинский: А насчет Кемерово не было так?

Пятаков: Нет, это тоже чересчур конкретно. Я подтвердил показание Норкина и сейчас подтверждаю, что, в соответствии с полученной мною установкой Троцкого, я сказал Норкину, что, когда наступит момент войны, очевидно, Кемерово нужно будет вывести тем или иным способом из *строя.*

Вышинский: *Тем или иным способом, или же говорили об определенных способах?*

Пятаков: Я не могу сейчас точно вспомнить.

Вышинский: Тов. председательствующий, разрешите задать вопрос Норкину.

Председательствующий Ульрих: Подсудимый Норкин!

Вышинский: Подсудимый *Норкин,* вы припомните разговор с Пятаковым относительно того, чтобы вывести химкомбинат из строя на случай войны?

Норкин: Было сказано совершенно ясно, что нужно подготовить в момент войны вывод оборонных об'ектов из строя путем поджогов и взрывов.

Вышинский: А вы не припомните, когда он это вам говорил?

Норкин: В 1936 г. в кабинете Пятакова в наркомате.

Вышинский: Не припомните ли вы подробностей? Шла ли речь о человеческих жертвах?

Норкин: Я помню такое указание, что вообще жертвы неизбежны и невозможно *обойтись при проведении того или иного* диверсионного акта без убийства рабочих. Такое указание было *дано.*

Вышинский: А насчет баранов был разговор?

Норкин: В общем трудно воспроизвести подлинную формулировку, но она была резка в том смысле, что нечего смущаться, и никого не надо *жалеть.*

Вышинский: Обвиняемый Норкин, не было ли разговора относительно того, на ком будет лежать ответственность за подобные вещи?

Норкин: Разговор был такой, что ответственность ляжет не на исполнителей диверсионных актов, а на руководителей партии и правительства.

Пятаков: Такой разговор был.

Вышинский: Были ли связаны члены вашей организации с иностранными разведками?

Пятаков: Да, были. Надо вернуться к установкам Троцкого для того, чтобы было яснее. *Как я уже показывал, у меня была* довольно близкая непосредственная связь с Радеком. *Радек непосредственно* установил и поддерживал связь с Троцким и не раз получал от Троцкого по разным коренным вопросам соответствующие указания. Радек все время держал меня в курсе дела. По мере поступления соответствующей директивы от Троцкого он в тот же день или через пару дней заходил ко мне и рассказывал, что получена такая-то директива.

Вышинский: Что же сообщал вам Радек *об этих директивах?*

Пятаков: О терроре специальных новых *директив не было; считалось, что эта директива принята к исполнению,* только были неоднократные требования и напоминания о проведении этой директивы.

Вышинский: В письме к Радеку было упомянуто об этом?

Пятаков: Было. Троцкий говорил, что мы только болтаем.

Вышинский: Чего же Троцкий требовал?

Пятаков: Требовал проведения определенных актов и по линии террора и по линии вредительства. Я должен сказать, что директива о вредительстве наталкивалась и среди сторонников Троцкого на довольно серьезное сопротивление, вызывала недоумение и недовольство, шла со скрипом.

Мы информировали Троцкого о существовании таких настроений. Но Троцкий на это ответил довольно определенным письмом, что директива о вредительстве *это не есть что-то случайное,* не просто один из острых методов борьбы, который он предлагает, а это является существеннейшей составной частью его политики и его нынешних установок.

В этой же самой директиве он поставил вопрос — это была середина 1934 г. — о том, что сейчас, с приходом Гитлера к власти, совершенно ясно, что его, Троцкого, установка о невозможности построения социализма в одной стране совершенно *оправдалась,* что неминуемо военное столкновение и что, ежели мы, троцкисты, желаем сохранить себя, как какую-то политическую силу, мы уже заранее должны, заняв пораженческую позицию, не только пассивно наблюдать и созерцать, но и активно подготовлять это поражение. Но для этого надо готовить кадры, а кадры одними словами не готовятся. Поэтому надо сейчас проводить соответствующую вредительскую работу.

Помню, в этой директиве Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных государств правительство блока не может ни притти к власти, ни удержаться у власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония, и что им, Троцким, со своей стороны, соответствующие шаги уже предприняты в направлении связи как с японским, так и с германским *правительствами.*

Тут же Троцкий выразил неудовольствие *нашими действиями. Ему стало известно,* что Сокольников на прямой демарш ..... посла г. .....

Председательствующий Ульрих: Подсудимый Пятаков, я категорически запрещаю упоминать фамилии иностранных представителей в Москве. Если хотите дать показания по этому вопросу, то можете их дать на закрытом заседании.

Пятаков: Хорошо. Троцкий выразил неудовольствие, что Сокольников неясно себе представляет те шаги, которые предпринимаются Троцким, и что он недостаточно активно поддержал их. *Дальше мне известно,* что, во исполнение директивы Троцкого, у Радека были встречи и разговоры в том направлении, в каком Троцкий об этом говорил.

Вышинский: С какими лицами? Иностранцами?

Пятаков: С немцами, попросту говоря. (Смех в зале).

Вышинский: Откуда вам это известно?

Пятаков: *Относительно встреч и разговоров Радека* — Радек мне сам рассказывал, а относительно Сокольникова мне впервые стало известно из записки Троцкого, затем мне Радек об этом сказал, а позже, в половине 1935 года, сам Сокольников рассказывал мне об этом своем шаге и приводил разговоры, где он санкционировал переговоры Троцкого с японским правительством...

Вышинский: До момента от'езда за границу больше у вас не было разговоров с *Радеком на эту тему?*

Пятаков: Промежуток времени — с *половины 1935 года до конца 1935 года* и начала 1936 г. — характерен для нашей преступной работы тем, что это был период, когда «параллельный центр» попытался из параллельного превратиться в основной и активизировать свою деятельность по тем директивам, которые мы имели от Троцкого, так как здесь у нас произошел ряд встреч с Сокольниковым, с Томским. Одним *словом, мы попытались выполнить то решение* основного центра, которое в 1934 году было передано всем четырем различными членами основного центра: Каменевым мне и Сокольникову, Мрачковским — Радеку и Серебрякову.

Вышинский: Это когда к вам явился Сокольников и сказал: «Пора начинать»?

Пятаков: Да, как раз была новая фаза. Это был первый разговор, где я поделился с Сокольниковым о том, что у нас есть, какие имеются террористические группы, какие троцкистские организации. В общих чертах *я Сокольникову рассказал о* том, что вредительская работа ведется в соответствующих *направлениях.* Сокольников, в свою очередь, мне рассказал о тех связях, которые он имел, он упомянул о группе Закс-Гладнева и Тивеля.

В этом же разговоре, я помню, мы очень много внимания уделяли вопросу о расширении блока. И Сокольникову и мне было известно от Каменева о том, что основной центр имел прямые и непосредственные организационные связи с правыми. С другой стороны, у меня, как я *уже говорил, имелся непосредственный* контакт с Бухариным, который потом перешел к Радеку.

Мы с Сокольниковым обсудили тогда вопрос и решили, что необходимо безусловно оформить как-то эти отношения, с тем, чтобы работу по свержению советского правительства организовать вместе с правыми.

Мы тогда говорили, что необходимо обязательно встретиться с кем-нибудь из лидеров правых, т. е. с Рыковым, Томским или Бухариным, при чем говорили обо всех троих, но, *в конце концов, остановились* на Томском, так как, по нашим сведениям, Томский располагал наиболее многочисленным и организованным кадровым составом, наиболее был приспособлен именно для такой нелегальной организаторской работы. Сокольников взялся повстречаться с Томским и увиделся с ним.

С Сокольниковым мы встретились вторично не то в конце ноября, не то в начале декабря 1935 г. Он передал, что Томский выразил свое полное согласие на организационное вхождение в блок. Я, со своей стороны, рассказал Сокольникову о том разговоре, который был у меня с Томским по этому поводу. Томский в разговоре со мной сказал, что он считает абсолютно необходимым организовать террористическую и всякого рода иную работу, но что он должен посоветоваться со своими товарищами, с Рыковым и Бухариным. Это он и сделал потом, и уже давал ответ от имени всех троих.

Вышинский: Кроме Томского, велись разговоры с кем-нибудь из этой группы?

Пятаков: Я не вел. Радек имел связь с Бухариным. Я имел связь с Бухариным до 1934 г., т.-е. до ухода его из наркомата. Когда он был в наркомате, то мне легко было с ним встречаться, а когда он перешел в «Известия», эта связь перешла к Радеку. Он с ним контрреволюционную связь поддерживал и продолжал.

Примерно к концу 1935 г. Радек получил обстоятельное письмо — инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь, против Сталина и ближайших его помощников.

Второй вариант, который был, с точки зрения Троцкого, более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удер*жаться* у власти. Но так как здесь был очень остро поставлен вопрос о пораженчестве, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных ударов в тылу и в армии во время войны, то у Радека и у меня это вызвало большое беспокойство. Нам казалось, что такая ставка Троцкого на неизбежность поражения об'ясняется в значительной мере его оторванностью и не*знанием конкретных условий. незнанием* того, что здесь делается, незнанием того, что собою представляет Красная Армия, и что у него поэтому такие иллюзии. Это привело и меня и Радека к необходимости попытаться встретиться с Троцким.

Вышинский: Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?

Радек: Одно письмо — в апреле 1934 года, второе — в декабре 1935 г.

Вышинский: Содержание их соответствует тому, что здесь говорил Пятаков?

Радек: В основном — да. В первом письме *по существу речь шла об ускорении* войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта — прихода к власти во время мира и прихода к власти в случае войны. В первом письме социальные последствия тех уступок, которые Троцкий предлагал, не излагались. Если итти на сделку с Германией и Японией, то, конечно, для прекрасных глаз Троцкого никакая сделка не *совершится. Но программы* уступок он в этом письме не излагал. Во втором письме речь шла о той социально-экономической политике, которую Троцкий считал необходимой составной частью такой сделки по приходе к власти троцкистов.

Вышинский: В чем это заключалось?

Радек: Если спросить о формуле, то это было возвращение к капитализму, реставрация капитализма. Это было завуалировано. Первый вариант усиливал капиталистические элементы, *речь шла о передаче* в форме концессий значительных экономических об'ектов и немцам и японцам, об обязательствах поставки Германии сырья, продовольствия, жиров по ценам ниже мировых. Внутренние последствия этого были ясны. Вокруг немецко-японских концессионеров сосредоточиваются интересы частного капитала в России. Кроме того, *вся эта политика была связана* с программой восстановления индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части. Но если в первом варианте дело шло о значительном восстановлении капиталистических элементов, то во втором — контрибуции и их последствия, передача немцам в случае их требований тех заводов, кото*рые будут специально ценны для их* хозяйства. Так как он в том же самом письме отдавал себе уже полностью отчет, что это есть возрождение частной торговли в больших размерах, то количественное соотношение этих факторов давало уже картину возвращения к капитализму, при котором оставались остатки социалистического хозяйства, которые бы тогда стали просто *государственно - капиталистическими элементами.* В первом письме не было социальной программы, *во втором она есть.* Первое было короткое — об ускорении войны, а второе письмо — с оценкой международного положения — здесь рассматривалась тактика на случай войны. Если первое письмо надо рассматривать как толчок для пораженческой тактики, то второе письмо давало полную разработанную программу, поэтому оно и отличается по *своему* об'ему. Первое письмо было на 2—3 страничках, а второе — 8 страничек на английской тонкой бумаге, подробное письмо.

Вышинский: В этом втором письме, которое было названо развернутой програм*мой пораженчества, было ли что-нибудь* об условиях, которым должна удовлетворить пришедшая к власти группа параллельного центра в пользу иностранных государств?

Радек: Вся программа была направлена на это.

Вышинский: Самих условий Троцкий не излагал?

Радек: Излагал.

Вышинский: Конкретно говорил о территориальных уступках?

Радек: Было сказано, что, вероятно, это будет необходимо.

Вышинский: Что именно?

Радек: Вероятно, необходимы будут территориальные уступки.

Вышинский: Какие?

Радек: Если мириться с немцами, надо итти в той или другой форме на их удовлетворение, на их экспансию.

Вышинский: Отдать Украину?

Радек: Когда мы читали письмо, мы не имели сомнений в этом. Как это будет называться — гетманской Украиной или иначе — дело идет об удовлетворении германской экспансии на Украине. Что касается Японии, то Троцкий говорил об уступке Приамурья и Приморья.

Вышинский: Обвиняемый Сокольников, вы подтверждаете показания Пятакова в той части, которая касается разговора с лицом, о котором шла речь и имя которого председатель просил не называть?

Сокольников: Да, подтверждаю.

Вышинский: *И содержание этого письма подтверждаете?*

Сокольников: *Да, правильно.*

Вышинский (Пятакову): Расскажите, *при каких обстоятельствах вы выехали за* границу? Какой был официальный повод *для поездки и что у вас произошло там неофициально?*

Пятаков: *Я уже показывал,* что в конце 1935 года в разговоре моем с Радеком встал вопрос о необходимости тем или иным способом встретиться с Троцким. Так как в этом году я имел служебную командировку в Берлин на несколько дней, я условился, что постараюсь встретиться с Троцким, и тогда же Радек рекомендовал мне в Берлине обратиться к Бухарцеву, который имеет *связь с Троцким, с тем, чтобы он помог* мне организовать эту встречу. Я выехал в Берлин и встретился с Бухарцевым.

Вышинский: Когда это приблизительно было?

Пятаков: Это было около 10 декабря, в первой половине декабря. В тот же день или на другой день я встретил Бухарцева, который, улучив момент, когда никого не было, со своей стороны, мне передал, что он узнал о моем приезде за несколько дней, сообщил об этом Троцкому и по этому поводу ждет от Троцкого извещения. На сле*дующий день Троцкий прислал своего по*сланца, с которым Бухарцев и свел меня в парке Тиргартен, в одной из аллей, буквально на пару минут. Он мне пред'явил маленькую записочку от Троцкого, в которой было написано несколько слов: «Ю. Л., подателю этой записки можно вполне доверять». Слово «вполне» было подчеркнуто, и из этого я понял, что человек, *приехавший от Троцкого, является* доверенным лицом. Он условился со мной на следующее утро *встретиться* на Темпельгофском аэродроме. На следующий день рано утром я явился прямо к входу на аэродром, он стоял перед входом и повел меня. Предварительно он показал паспорт, который был для меня приготовлен. Паспорт был немецкий. Все таможенные формальности он сам выполнял, так что мне приходилось только расписываться.

Сели в самолет и полетели, нигде не садились и в 3 часа дня, примерно, спу*стились на аэродром в Осло. Там был* автомобиль. Сели мы в этот автомобиль и поехали. Ехали мы, вероятно, минут 30 и приехали в дачную местность. Вышли, зашли в домик, неплохо обставленный, и там я увидел Троцкого, которого не видел с 1928 г. Здесь состоялся мой разговор с Троцким.

Вышинский: Сколько времени продолжалась ваша беседа?

Пятаков: Около двух часов.

Вышинский: Расскажите, о чем вы беседовали?

Пятаков: Разговор начался, прежде всего, с моей информации. Я рассказывал о том, что троцкистско-зиновьевским центром уже сделано. К этому времени Троц*кий уже получил письмо Радека, и он был* особенно возбужден. Во время беседы он меня прерывал, бросал всякие ехидные словечки и реплики насчет примиренчества, непонимания обстановки, вроде: «Живете по старинке» и всякие такие колкие слова, проявляя явные признаки недовольства. Когда дело дошло до вредительства, он разразился целой филиппикой, бросал колкости вроде того, что «не можете оторваться от сталинской пуповины, вы принимаете сталинское строительство за социалистическое».

Тут же очень резко, я бы сказал, пожалуй впервые, он так отчетливо и ясно сформулировал свою позицию относительно вредительства. Он сказал, что социализм в одной стране построить нельзя и что крах сталинского государства совершенно неизбежен. С другой стороны капи*тализм оправляется от кризиса,* начинает крепнуть и, ясно, долго терпеть дальнейшее усиление, в особенности военной промышленности, обороноспособности советского государства он не может. Военные столкновения неизбежны, и ежели мы будем относиться к этому пассивно, то в руинах сталинского государства погибнут и все троцкистские кадры. Именно поэтому он считает, что вредительский метод *является* не просто одним из острых приемов борьбы, которые можно было бы применять, а можно было бы и не применять, а это совершенно неизбежная вещь, вытекающая из самой сущности его позиции.

Речь идет о том, какую позицию троцкистские кадры должны занять: будут ли *они связывать свою судьбу с* судьбой сталинского государства, или будут противостоять и *организовываться для* других задач, для свержения правительства, подготовляя приход к власти другого правительства — троцкистского правительства?

Далее, он говорил, что многие из нас, троцкистов, до настоящего времени находятся в состоянии иллюзии, будто бы возможны какие-то массовые методы, организация масс. Организация массовой борьбы *невозможна прежде всего* потому, что рабочие массы, крестьянские массы в основном находятся сейчас под *гипнозом огромного* строительства, которое идет в стране, строительства, которое воспринимается ими, как социалистическое строительство. Всякая попытка наша в этом направлении означала бы полную безнадежность, быстро привела бы к полному провалу, к *ликвидации тех сравнительно немногочисленных* троцкистских кадров, которые сейчас в стране имеются. *Поэтому* речь идет о другом — речь идет, в полном смысле этого слова, о государственном перевороте со всеми вытекающими отсюда последствиями и в области тактики и в области приемов борьбы.

Вышинский: А практическая часть?

Пятаков: Одно и другое очень тесно связано. Троцкий тут опять сказал, что война, по его мнению, на носу, что ему очень хорошо известно, что вопрос изме*ряется не пятилетием, а коротким сроком.* Он мне прямо тогда сказал, что речь идет о 37-м годе. Очевидно, информация эта была не собственным его изобретением. Тут он опять развил два варианта. Что касается международной обстановки, то речь идет в значительной мере о ликвидации пролетарского революционного движения и о торжестве фашизма. Если мы имеем намерение *притти к власти,* то реальными силами в международной обстановке являются, в первую очередь, фашисты и с этими силами нам надо, так или иначе, в той или иной форме, установить связь, поддерживать ее и обеспечить благоприятное к себе отношение на случай прихода к власти как без войны, так и, в особенности, в случае войны и поражения СССР, *которое* Троцкий считал неизбежным. Тут он мне рассказал, что ему известно о тех *разговорах,* которые вели Радек и Сокольников. Троцкий был недоволен, что они проявили недостаточную активность, чересчур осторожничали. Я имею в виду разговоры, которые Радек и Сокольников вели с лицами, представителями некоторых иностранных государств, называть которых запретил гр-н председатель.

В связи с международным вопросом Троцкий *особенно* остро ставил *вопрос о* подготовке диверсионных кадров. Он упре*кал нас, что мы* недостаточно энергично занимаемся диверсионной, вредительской и террористической работой. Он сказал, что договорился совершенно определенно с фашистским германским правительством и с японским правительством о благоприятном отношении на случай прихода троцкистско-зиновьевского блока к власти. При чем тут же оговорился, что, само собой разумеется, это благоприятное *отношение является* не плодом какой-то особой любви этих правительств к троцкистско-зиновьевскому блоку. Он просто исходит из реальных интересов фашистских правительств и из того, что мы обещали для них сделать в случае прихода к власти.

Вышинский: Что же обещали?

Пятаков: Тут я должен сделать сначала одно пояснение. Троцкий снова сказал, что и под этим углом зрения, под углом зрения тех переговоров, которые он ведет, и того, что он уже достиг, чрезвычайно важно усилить активную диверсионную, вредительскую, террористическую деятельность, чтобы *иностранные* правительства видели, что они имеют перед собой не просто человека, который говорит от своего собственного имени, а конкретную, реальную силу. Тут он мне сказал, что он вел довольно длительные переговоры с заместителем председателя германской национал-социалистской партии — Гессом. Я, правда, не могу сказать, есть *ли какой-то договор, подписанный им, или* есть только договоренность, но Троцкий мне все это излагал, как существующее соглашение, которое, правда, подлежит еще оформлению через некоторых других лиц, о которых я буду говорить на закрытом судебном заседании.

К чему, собственно говоря, сводится это соглашение, если кратко сформулировать?

Первое. — Немецкие фашисты обещают троцкистско-зиновьевскому блоку благоприятное отношение и поддержку в случае прихода блока к власти, как в военное время, так и до войны, если это удастся. Но за это фашисты получают нижеследующую компенсацию: общее благоприятное отношение к германским интересам, к германскому правительству во всех вопросах международной политики; известные территориальные уступки, которые нужно будет сделать, при чем эти территориальные уступки конкретизировались, в частности, речь *шла о* завуалированной форме территориальных уступок, *которая* именовалась «непротиводействие украинским национально-буржуазным силам в случае их самоопределения».

Вышинский: Что это означает?

Пятаков: *Это в завуалированной форме* означает то, о чем говорил здесь Радек: если немцы посадят свое украинское правительство — при чем править будут не через своего германского генерал-губернатора, а, может быть, это будет гетман, но во всяком случае немцы «самоопределят» Украину — троцкистско-зиновьевский блок этому не будет противодействовать. *По существу это начало* расчленения СССР.

Следующий пункт *соглашения касался* того, в какой форме немецкий капитал получит возможность эксплоатации в СССР необходимых ему сырьевых ресурсов. Речь

(Продолжение см. на 3-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Продолжение допроса подсудимого Пятакова

(Начало см. на 2-й стр.)

шла относительно эксплоатации золотых рудников, нефти, марганца, леса, апатитов и т. д.

Вышинский: А насчет диверсионных актов на случай войны?

Пятаков: Это последний пункт. В случае военного нападения, надо координировать подрывные силы троцкистской организации, которые будут действовать внутри страны, с теми внешними силами, которые будут действовать под руководством германского фашизма. Диверсионная, вредительская работа, которая ведется троцкистско-зиновьевской организацией в СССР, должна вестись по указаниям Троцкого, которые должны согласовываться с немецким генеральным штабом.

К концу беседы вышел у нас такой разговор. Приход к власти будет означать, что мы должны сильно отступить по направлению к капитализму. В этой связи Троцкий говорил, что по сути дела у нас одна программа с правыми, поскольку правые приняли диверсионно-вредительскую программу и считают, что надо отступить к капитализму. Троцкий выразил очень большое удовлетворение, когда я рассказал о разговоре Сокольникова с Томским и о своем разговоре с Томским, а также о том, какой контакт у меня и у Радека имеется с Бухариным. Он сказал, что это не только тактическое мероприятие, т. е. об'единение в борьбе против одного и того же неприятеля, но и об'единение, имеющее известное принципиальное значение.

Вышинский: Итак, что нового вам сказал Троцкий в 1935 г. по сравнению с тем, что было вам сказано раньше и чем вы руководствовались в своей преступной деятельности?

Пятаков: Новое, если хотите, было сформулировано в достаточной мере отчетливо: троцкистская организация по существу превращается в придаток фашизма.

Вышинский: Теперь я хочу вас спросить относительно вашей преступной деятельности в области организации террористических актов. В чем это конкретно выражалось?

Пятаков: Прежде всего, это организация террористических групп в Западной Сибири, через западно-сибирский центр, для убийства Эйхе.

Вышинский: Еще для какой цели они организовались в Западной Сибири?

Пятаков: В Западной Сибири была попытка покушения на Молотова...

Вышинский: Далее?

Пятаков: На Украине — на Косиора и Постышева.

Затем на Украине были разговоры с украинскими троцкистами о том, что если нужно будет перебросить троцкистские террористические кадры в Москву, то это надо будет сделать.

Вышинский: Для какой цели перебросить в Москву?

Пятаков: Для совершения террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Пятаков: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе... Речь шла о более или менее одновременном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский: Речь шла также и относительно Закавказья?

Пятаков: Да, речь шла и относительно закавказских террористов.

Вышинский: С кем вы говорили от Закавказья?

Пятаков: С Мдивани. Серебряков говорил с Мдивани о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистов-террористов.

Вышинский (Серебрякову): Подсудимый Серебряков, вы подтверждаете это показание Пятакова относительно вашего разговора с Мдивани?

Серебряков: Да. Это предвиделся террористический акт на Ежова.

Вышинский (Пятакову): Следовательно, мы уже насчитали ряд террористических актов, которые подготовлялись при вашем участии?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Кто действовал непосредственно под вашим руководством в Москве?

Пятаков: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлина, куда входили Аскольдов, Докучаев, Колосков.

Вышинский: Что она ставила своей задачей?

Пятаков: Убийство Сталина и Кагановича.

Вышинский: И вы непосредственно этим руководили?

Пятаков: Да, непосредственно, как член центра.

Затем мне были известны террористические группы, которые были связаны с Сокольниковым и Радеком. Одна группа Закс-Гладнева и Тивеля, связанная с Сокольниковым, и другая группа — Пригожина, которая была связана с Радеком. Кроме того, мы все время предполагали вызвать Дрейцера сюда, так как нам было известно, что у него есть террористические связи.

Вышинский: Вы относительно Дрейцера с кем-нибудь разговаривали?

Пятаков: Я разговаривал с Радеком.

Вышинский: Подсудимый Радек, скажите, был у вас разговор относительно Дрейцера?

Радек: В июле 1935 года был разговор. Когда мы в первый раз собрались после убийства Кирова, то встал вопрос о том, что бессмысленно убивать единицы. Это не даст никакого политического результата, а даст лишь разгром организации. Надо поэтому выяснить точно, есть ли силы для серьезных действий или нет этих сил?

Вышинский: Так я вас понимаю: мало убить товарища Кирова, а надо еще убить других?

Радек: Или надо отказаться от террора или приступить к серьезной организации массовых террористических актов, что поставило бы вопрос о приближении к власти.

Вышинский: Больше вопросов у меня нет. Я прошу вызвать для допроса свидетеля Бухарцева.

Допрос свидетеля Бухарцева

Председательствующий Ульрих (обращаясь к свидетелю Бухарцеву): Вы — Бухарцев, Дмитрий Павлович?

Бухарцев: Да.

Председательствующий: Ваша должность в последнее время и занятие?

Бухарцев: Корреспондент «Известий» в Берлине.

Председательствующий: Вы вызваны в качестве свидетеля по делу Пятакова, Радека и других. Обязуетесь давать правильные показания.

Тов. Вышинский, поскольку свидетель Бухарцев вызван по вашей просьбе, пожалуйста, предлагайте вопросы.

Вышинский: Свидетель Бухарцев, вы знакомы с Радеком?

Бухарцев: Знаком.

Вышинский: Много времени?

Бухарцев: Я знаком с ним, примерно, с 1924 года.

Вышинский: Вы знакомы также и с Пятаковым?

Бухарцев: С Пятаковым я познакомился в 1935 году.

Вышинский: Кто вас познакомил с Пятаковым?

Бухарцев: С Пятаковым я познакомился при следующих обстоятельствах. Когда он был в Берлине, я к нему подошел и представился. Он уже знал обо мне.

Вышинский: Вам пришлось с Пятаковым вступать в какие-нибудь отношения на почве троцкистской подпольной работы?

Бухарцев: Я узнал о приезде Пятакова в Берлин в начале декабря 1935 г. Через несколько дней мне позвонил некий Густав Штирнер. С ним меня связал в свое время Радек.

Вышинский: Зачем он позвонил?

Бухарцев: Он позвонил и мы встретились. Он был человек Троцкого.

Вышинский: Откуда это вам известно?

Бухарцев: Известно потому, что, когда я уезжал из Москвы в мае 1934 года, мне тогда Радек сказал, что по приезде в Берлин я получу письмо, в котором будет сказано, что приехавший из Вены журналист должен мне передать привет от Карла,— это будет человек Троцкого.

Вышинский: Что значит человек Троцкого?

Бухарцев: Т. е. человек, которому я смогу передавать, если мне Радек поручит что-либо, для Троцкого.

Вышинский: Дальше, относительно Пятакова?

Бухарцев: Когда Густав Штирнер мне позвонил, я ему сказал, что в ближайшие дни ожидается приезд Пятакова. Он заявил мне, что это очень интересно, что он постарается поставить в известность об этом Троцкого и что Троцкий, вероятно, захочет с ним повидаться. Через несколько дней он еще раз позвонил и на свидании мне заявил, что Троцкий обязательно хочет видеть Пятакова, что у Штирнера есть письмо или записка для Пятакова и, как только приедет Пятаков, ему нужно обязательно встретиться с ним.

Когда приехал Пятаков, я зашел к нему, улучил момент, когда он был один в кабинете, и сказал, что здесь имеется человек Троцкого, который хочет ему передать письмо и который организует ему встречу с Троцким. Пятаков сказал, что он очень рад этому, что это вполне соответствует его намерениям и что он охотно пойдет на это свидание.

Я увиделся со Штирнером, условился с ним, сказал, что Пятаков готов поехать, и встреча произошла в Тиргартене на «Аллее Побед».

Вышинский: Вы присутствовали при разговоре?

Бухарцев: Да, я присутствовал. После этого я ушел, а через несколько дней, повидимому, перед от'ездом Пятакова из Берлина в Москву, я встретил Пятакова в полпредстве в Берлине и спросил его, удалась ли его поездка. Он сказал, что был и видел.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Был у вас разговор с Бухарцевым по возвращении из Осло?

Пятаков: Разговора, собственно, не было. Я только сказал, что был и видел.

Вышинский: К Бухарцеву вопрос. Вам известно, откуда Штирнер достал паспорт? Откуда он достал самолет? Как это так легко сделать в Германии?

Бухарцев: Когда я разговаривал со Штирнером, я ему задал вопрос, как он достанет паспорт. Штирнер сказал: не беспокойтесь, я это дело организую. У меня есть связи в Берлине.

Вышинский: Какие связи?

Бухарцев: Он мне не сказал, какие. Я представлял себе, что это такие связи, в таких кругах, которые могут это сделать.

Вышинский: Какие это круги?

Бухарцев: Германские правительственные чиновники.

Вышинский: А самолет? Вы — опытный журналист, вы знаете, что летать через границу из одного государства в другое — дело не простое.

Бухарцев: Я понял это так, что он — Штирнер — может сделать это через германских официальных лиц. Имелась в виду поездка к Троцкому. Они не ради прекрасных глаз Штирнера это делали.

Вышинский: А без вас нельзя было обойтись в этом деле? Ради чего вы участвовали в этой операции?

Бухарцев: Я был членом троцкистской организации.

Председатель: Об'является перерыв до 11 часов утра завтрашнего дня.

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 24 ЯНВАРЯ

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

Председатель: Заседание продолжается. Приступаем к допросу подсудимого Радека. Подсудимый Радек, вы подтверждаете свои показания, которые давали на предварительном следствии в декабре?

Радек: Подтверждаю.

Вышинский: Расскажите коротко о вашей прошлой троцкистской деятельности.

Радек: Во время партийной борьбы в 1923 г. я примкнул к троцкистской оппозиции, принадлежал к ней и ее руководству до момента ссылки в январе 1928 г. В ссылке оставался на позиции Троцкого до момента подачи заявления в ЦК ВКП(б) в июле 1929 г. Все это время я принадлежал к политическому центру троцкистской организации.

Из дальнейших показаний Радека выясняется, что в партию он вернулся двурушником; вскоре после возвращения из ссылки Радек восстановил свои троцкистские связи и по коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. Н. Смирновым, связан с Дрейцером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан — с Пятаковым, Преображенским, Смилгой, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930—31 году?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 году. Уже тогда, в 1931 г., я переоценивал силу сопротивления кулачества, испугался затруднений и стал, таким образом, отражением враждебных пролетариату сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности об'единенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале—марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек: Троцкий сообщал, что сведения, какими он располагает, приводят к выводу, что я убедился в его правоте, в том, что без реализации троцкистских требований политика упрется в тупик. Далее Троцкий писал, что, так как он знает меня, как активного человека, он убежден, что я вернусь к борьбе.

Вышинский: Что же, Троцкий призывал вас к борьбе?

Радек: В конце письма Троцкий, примерно, говорил: «Вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что или мы будем уничтожены совместно с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Троцкий сообщал, что не только троцкисты, но и зиновьевцы решили вернуться к борьбе и что ведутся переговоры об об'единении. Я не дал никакого ответа, считая, что тут нужно продумать до конца. Приблизительно к концу сентября или октября 1932 г. я принял решение о возвращении на путь борьбы.

Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «Я решил итти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь об'единились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу.

Вышинский: Какую подготовительную работу?

Радек: Ясно, что раз новым положением был террор, то подготовительная работа должна была заключаться в собирании и создании террористических кадров. После Мрачковский мне сказал, что так как борьба предстоит очень острая и жертвы будут громадные, то мы бы хотели сохранить известные кадры на случай поражения, т. е. на случай ареста, и сказал, что «поэтому мы тебя и не ввели в первый центр». Говорил он это обо мне, Пятакове и Серебрякове.

Вышинский: Известно ли вам было от Мрачковского о подготовке террористических актов против руководителей партии и правительства?

Радек: В апреле 1933 г. Мрачковский меня запросил, не могу ли я ему назвать среди троцкистов человека, который взялся бы за организацию террористической группы в Ленинграде.

Вышинский: Против кого?

Радек: Против Кирова, понятно.

Вышинский: И что же?

Радек: Я ему назвал такого человека.

Вышинский: Кто это?

Радек: Пригожин.

Вышинский: Это было в апреле 1933 г.?

Радек: Да.

Вышинский: А когда был убит Киров?

Радек: Киров был убит в декабре 1934 г.

Вышинский: Следовательно, за много месяцев до этого злодейского преступления вам, Радеку, было известно, что троцкисты готовят убийство Кирова?

Радек: Мрачковский мне тогда сказал, что в Ленинграде зиновьевцы готовят покушение, и я совершенно ясно знал, что дело идет о Кирове.

На вопрос тов. Вышинского — знал ли подсудимый, кто был руководителем террористической группы зиновьевцев в Москве—Радек отвечает:

— Это я узнал от Дрейцера. Дрейцер сказал мне: «Общее руководство у Бакаева по линии зиновьевцев, как у Мрачковского — в нашей организации троцкистов. В Москве руководит Рейнгольд».

Вышинский: Таким образом, вы были полностью осведомлены о деятельности этих террористических групп?

Радек: Конечно, как член центра, я был полностью осведомлен.

Вышинский: И вы были осведомлены о том, что идет практическая подготовка убийств?

Радек: О практической подготовке, собирании кадров, организации этих кадров, обучении этих кадров я знал, как соучастник троцкистско-зиновьевского блока, от начала его возникновения.

Вышинский: В том числе и как соучастник террористических актов, одним из которых явилось убийство Кирова?

Радек: В том числе и террористических актов, одним из которых явилось убийство Кирова.

Вышинский: Таким образом, можно считать установленным, что вы о терроре узнали от Мрачковского?

Радек: Да.

Вышинский: Это было до того, как вы получили письмо от Троцкого?

Радек: Это было после получения письма от Троцкого. Письмо от Троцкого было получено в феврале или марте 1932 года.

Вышинский: Если правильно говорят материалы предварительного следствия, то весною 1932 года вы были в Женеве?

Радек: Да.

Вышинский: В Женеве вы встречались с кем-либо и говорили на подобного рода темы?

Радек: В Женеве единственным троцкистом, с которым я имел встречу, был В. Ромм. Он мне привез письмо от Троцкого.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фридлянда. Заместитель Дрейцера Гаевский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а это будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр—он назвал Коцюбинского, Голубенко и, кажется, Логинова—формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто назвал при этом и фамилию Муралова.

Кроме этого он говорил, что в Туле возникла или возникает какая-то террористическая группа...

Вышинский: Пятаков назвал вам фамилии?

Радек: Он не назвал фамилий руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитятевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании Белобородовым группы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Мдивани сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, это была группа Закса-Гладнева, с которой был связан в Москве мой сотрудник Тивель.

Далее государственный обвинитель задает подсудимому Радеку ряд вопросов о его связях с террористическими группами. Из ответов Радека выясняется, что он, как член центра, не только знал о существовании террористических групп, но и сам непосредственно руководил террористической группой Пригожина, имевшей своей задачей совершить убийство С. М. Кирова.

Вышинский: Группа была создана вами?

Радек: Группа была создана Пригожиным.

Вышинский: Это был человек, посланный вами на это дело?

Радек: Человек, найденный мною для организации террористической группы. Я ему сказал: «Задача центра сформировать в Ленинграде террористическую группу, подбери людей и покажи, как дело выглядит».

Вышинский: Кто же руководил Пригожиным в этой подготовительной работе?

Радек: Я—Радек.

Вышинский: С кем еще вы говорили о терроре?

Радек: Я говорил с членами центра, с которыми мне приходилось встречаться и с которыми я должен был разрешать известные вопросы.

Вышинский: Кого вы можете назвать?

Радек: Я называл Преображенского. Могу назвать, с кем был разговор в общей форме—со Смилгой.

Вышинский: А группа правых?

Радек: Само собою, я был с Бухариным связан.

Вышинский: Даже само собою понятно! Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухариным. Томского я видел только в 1933 г., когда он говорил в очень острой форме о внутрипартийном положении.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухариным?

Радек: Если это касается разговоров о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 г. после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?» Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политических последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оправдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а, наоборот, дало об'единение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует итти вперед к групповому террористическому акту.

Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают, что было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины—к плановому террору. По этому вопросу я говорил в июле 1935 года и с Бухариным, и с Пятаковым, и с Сокольниковым.

Вышинский: Вы стояли за первую или за вторую систему террористической борьбы?

Радек: Я стоял за старую систему до момента, когда пришел к убеждению, что эта борьба вообще есть партизанщина. Потом я стоял за планомерную террористическую борьбу.

Вышинский: Придя к заключению о том, что необходимо перейти к групповому террору, вы приняли какие-либо меры к тому, чтобы эту борьбу организовать?

Радек: Принял. Поставил в июле 1935 года сначала перед Пятаковым, а после в разговоре перед Сокольниковым вопрос: мы продолжаем борьбу или ликвидируем ее?

Вышинский: Каков был ответ?

Радек: Ответ был: «Продолжаем». Тогда мы решили покончить с таким положением, когда никто не несет ответственности за террористическое дело. Мы решили вызвать Дрейцера, которого считали наиболее подходящим для руководства террористическими актами после ареста Мрачковского, с ним выяснить, что он полагает делать, и совместно выработать план.

Вышинский: Следовательно, раньше всего вы захотели об'единить руководство террористическими группами?

Радек: Да.

Вышинский: И кого наметили в качестве руководителя?

Радек: Дрейцера.

Вышинский: Вы связались с ним?

Радек: Я Дрейцеру написал письмо, сам ехать к нему в Кривой Рог не мог. Проходит несколько месяцев, а от Дрейцера ответа нет, затем наступили новые события: декабрьская инструкция Троцкого, который поставил все вопросы во весь рост. Здесь уже шла речь не о плане, а гораздо шире.

Вышинский: В каком году это было?

Радек: В 1935 году. Я написал Дрейцеру письмо в категорической форме, что «к концу февраля, к началу марта, ты должен быть», и получил от него ответ: «Приеду».

Вышинский: Пока вы выясняли ваши силы, искали Дрейцера, все эти группы продолжали существовать и действовать?

Радек: Они продолжали существовать и действовали.

Вышинский: Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года. В письме от 1934 г. Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальне-восточным и неким средне-европейским государствами и что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами. Содержание письма я сообщил Пятакову. Сокольников навестил меня в редакции «Известий» и сообщил мне содержание разговора между ним и г....

Сокольников говорил: «Представьте себе, веду в НКИД официальные переговоры. Разговор кончается. Переводчики вышли. Официальный представитель одного иностранного государства г.... очутился передо мной и поставил вопрос: «Знаю ли я о предложениях, которые Троцкий сделал его правительству». Я, говорит Сокольников, ответил, что знаю, что это серьезные предложения и советы, и что я и мои единомышленники с ними согласны. Сокольников сказал также, что Каменев его раньше предупреждал о том, что к нему или ко мне могут обратиться представители иностранной державы.

Через Ромма, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщил о получении его директивы и о том, что мы между собой сговорились не выходить в наших шагах здесь дальше зафиксирования его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он ищет контакта с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 года. Осенью 1934 г. на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель средне-европейской державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Наши руководители (он это сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вождь спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не спится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивают об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики в СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нереальные политики; нереальные—это советское правительство, а реальные — это троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страною, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понимал, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Это все связано с первым письмом?

Радек: Это было в результате первого письма, но это был не единственный результат этого письма.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольникова, Серебрякова.

Вышинский: Вы им говорили также о самом содержании письма Троцкого?

Радек: О содержании письма Троцкого я говорил с полной точностью.

Вышинский: Там какие стояли вопросы?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, итти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению? Как было сказано в письме Троцкого?

Радек: Поражение неизбежно, и оно создает обстановку для нашего прихода к власти, поэтому мы заинтересованы в ускорении войны. Вывод: мы заинтересованы в поражении.

Вышинский: А вы были за поражение или за победу СССР?

Радек: Все мои действия за эти годы свидетельствуют о том, что я помогал поражению.

Вышинский: Эти ваши действия были сознательными?

Радек: Я в жизни несознательных действий, кроме сна, не делал никогда. (Смех).

Вышинский: А это был, к сожалению, не сон?

Радек: Это, к сожалению, был не сон.

Вышинский: А было явью?

Радек: Это была печальная действительность.

Вышинский: Да, печальная для вас действительность. Вы говорили с членами центра о пораженчестве?

Радек: Мы приняли это для выполнения.

Вышинский: Было ли что-нибудь практически сделано вами лично и вашими сообщниками по претворению в жизнь этой директивы?

Радек: Понятно, что мы действовали.

Вышинский (к Пятакову): Вы подтверждаете свою осведомленность о письме Троцкого на имя Радека?

Пятаков: Я уже вчера показывал и подтверждаю, что это полностью соответствует действительности.

Вышинский (к Сокольникову): Такой же вопрос.

Сокольников: Мне тоже это известно.

Вышинский: Вы также разделяли эту позицию?

Сокольников: Да.

Вышинский (к Серебрякову): Вы также разделяли эту позицию пораженчества?

Серебряков: Я не возражал.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 г. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств об'ектов промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических об'ектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т. е. допущение иностранного капитала к эксплоатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

(Окончание см. на 4-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО РАДЕКА

(Начало см. на 3-й стр.).

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: *ни о какой демократии речи быть не может.* Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться *в состоянии тяжелейшей конкуренции* с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то *возьмите аналогию с властью Наполеона* 1 и продумайте эту аналогию. Наполеон 1 был не реставрацией—реставрация пришла позже, а это было попыткой сохранить главные завоевания революции, то что можно было из революции сохранить. Это было новое. Он отдавал себе отчет в том, что *хозяином положения,* благодаря которому блок может притти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой—дальневосточной—страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касающуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может притти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно — формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами-победителями, если мы вообще хотим удержаться. *Вот эта идея выравнивания,* которая была псевдонимом реставрации капитализма, и была тем специфически новым, что бросилось сразу нам в глаза, когда мы эту директиву получили.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы оставались на позиции 1934 года, что *поражение неизбежно.*

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас—поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чужому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое—раздел страны. Германии намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье—Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углублены те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растянутых на долгие годы *поставок продовольствия, сырья и жиров.* Затем—сначала он сказал это без цифр, а после более определенно—известный процент обеспечения победившим странам их участия в советском импорте. Все это в совокупности означало полное закабаление страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось — надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких помех к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет Придунайских стран?

Радек: О Придунайских и Балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет экспансия немецкого фашизма, и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, понятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания *о необходимости расширения* и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой и на нее указывалось, как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: *Говорилось специально.* Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми удастся заключить соглашение, т. е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский (к Пятакову): Подсудимый Пятаков, когда вы давали указания Норкину в случае войны произвести поджог Кемеровского химкомбината, вы исходили *на какой-нибудь общей установки?*

Пятаков: Я исходил из тех установок о *«конкретизации»,* которые были даны Троцким.

Вышинский: А ваши разговоры с Сокольниковым имели место после возвращения в 1935 г. из Берлина, после личного свидания с Троцким?

Пятаков: После.

Вышинский: А в личном свидании с Троцким были сформулированы эти требования?

Пятаков: Безусловно.

Вышинский (к Радеку): Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Вся конкретизация касалась войны, *так что для транспорта не могло быть исключения.*

Вышинский: Подсудимый Серебряков, вы помните разговор с Радеком о письме Троцкого в 1935 году?

Серебряков: Да.

Вышинский: Увязывал ли Радек директиву Троцкого с вашей преступной деятельностью в области транспорта?

Серебряков: Это, естественно, увязывалось у меня. Еще в 1934 г. и в декабре 1935 *года, когда мы обменивались мнениями* с Лившицем, который был в то время заместителем народного комиссара путей сообщения, мы говорили, что в определенный период могли встать вопросы активизации диверсионной и вредительской деятельности на транспорте.

Вышинский: Вы говорили с Лившицем?

Серебряков: Да. Тогда мы предполагали, что возможна загрузка, зашивка важнейших узлов в целях срыва перевозок.

Вышинский: А относительно организации диверсионных актов?

Серебряков: Вопрос ставился в такой плоскости, что нужно усилить вербовку кадров для диверсионных актов.

Вышинский: Обвиняемый Лившиц, что вы об этом скажете?

Лившиц: Подтверждаю разговор насчет усиления вербовки членов организации для диверсионных актов и проведения вредительских актов во время войны.

Вышинский: Вы были заместителем наркома путей сообщения и в это время обсуждали *вопрос о том, как сорвать движение на железных дорогах на случай войны?*

Лившиц: Да. *Я считал, что,* раз мы ведем борьбу за приход к власти троцкистско-зиновьевского блока, необходимо это делать.

Вышинский: О чем вы говорили с Пятаковым?

Лившиц: О той работе, которую ведут троцкисты на транспорте, т. е. о срыве приказов, обеспечивающих улучшение работы жел.-дорожного транспорта.

Вышинский: Давал ли вам Пятаков прямые директивы и указания усилить вредительскую и диверсионную работу на транспорте?

Лившиц: Давал.

Вышинский: Вы их *принимали?*

Лившиц: Да.

Вышинский: Выполняли?

Лившиц: Да, то, что смог, — выполнял.

Вышинский: Вредили?

Лившиц: Да.

Вышинский: Срывали работу?

Лившиц: Да.

Государственный обвинитель снова переходит к допросу Радека, выясняя отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 г. и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

На вопрос государственного обвинителя тов. *Вышинского, к чему сводилась программа* Троцкого в 1935 году, Радек отвечает:

— В 1935 году был поставлен вопрос — итти назад к капитализму.

Вышинский: До каких пределов?

Радек: То, *что предлагал Троцкий, было* без пределов. До таких пределов, каких затребует противник.

Вышинский: Значит, поражение опять-таки стояло в порядке дня?

Радек: Да, новое теперь было то, что поражение связывалось с иностранными указаниями.

Вышинский: То-есть здесь имеется уже прямое согласование с иностранными генштабами, — а раньше этого не было?

Радек: Раньше этого не было.

Вышинский: Это заставило вас задуматься?

Радек: Заставило больше задуматься не только это, но и та, обстановка, которая была в стране раньше — в 1934 году и потом.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поездка Пятакова была результатом нашего совещания. Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня троекратное приглашение для поездки в Осло с докладом студенчеству. Если бы Пятаков не имел командировки, *я, имея это разрешение,* поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моя, или Пятакова.

Мы решили для себя, что за директиву Троцкого мы не можем брать на себя ответственность. Мы не можем вести вслепую *людей. Мы решили созвать совещание.* Пятаков поехал к Троцкому. Я не знаю, почему Пятаков не говорил об этом здесь, хотя это, пожалуй, было самое существенное в его разговоре с Троцким, когда Троцкий сказал, что совещание есть провал или раскол. Пятаков вернулся и *рассказал о своем разговоре с Троцким.* Тогда же мы решили, что мы созываем совещание несмотря на запрет Троцкого. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли мы деятельность после того, как получили директиву? Нет. Машина крутилась и в дальнейшем.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: Поэтому вывод: реставрация *капитализма в обстановке* 1935 года. Просто—«за здорово живешь», для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущал это как дом сумасшедших. И, наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть *потому, что мы убеждены, что сможем* что-то обеспечить стране. Теперь мы должны драться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Что означала директива о согласовании вредительства с иностранными *кругами? Эта директива означала для* меня совершенно простую вещь, понятную для меня, как для политического организатора, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав, организация становится прямой экспозитурой иностранных разведок. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: *Что вырешили?*

Радек: Первый ход это было итти в ЦК партии сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел.

Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: Были ли вы за поражение?

Радек: Если бы мог отвратить поражение, то был бы против него.

Вышинский: Вы считаете, что вы не могли отвратить его?

Радек: Я считал его неизбежным фактом.

Вышинский: Вы неправильно отвечаете на мой вопрос. Вы приняли все установки Троцкого, которые были вам даны в *1934 году?*

Радек: Я принимал все установки Троцкого в 1934 году.

Вышинский: Была ли там установка на *поражение?*

Радек: Да, это была установка на поражение.

Вышинский: Вы ее приняли?

Радек: Принял.

Вышинский. Значит, раз вы ее приняли, вы были за поражение?

Радек: С точки зрения...

Вышинский: Вы *шли к поражению?*

Радек: Да, понятно.

Вышинский: Значит, *вы были за поражение?*

Радек: *Понятно, раз да,—значит шел.*

Вышинский: В 1934 г. вы считали *поражение неизбежным.* В силу чего?

Радек: Считал, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, вы исходили из слабости страны?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считал неизбежным, принял.

Вышинский: А в 1935 г. видели, что страна сильна и это не оправдается?

Радек: Что поражение не неоправдывается, а что его не будет, что это нереальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на нереальных основах.

Вышинский: Потому что это было нереально, поэтому вы были против?

Радек: О других мотивах не буду говорить.

Вышинский: Правильно ли, что вы были в 1935 г. против программы поражения *потому, что считали ее нереальной?*

Радек: Да.

Вышинский: Значит, в 1934 г. вы считали реальной и были за это, а в 1935 г. считали нереальной и были против?

Радек: Да.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и письме, означала предложение об измене родине.

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином... в ноябре 1934 г.— это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Вы подтверждаете свои показания о том, что вы сказали господину... что, ожидать уступок от нынешнего правительства — дело бесполезное?

Радек: Таков был смысл моего показания.

Вышинский: Подтверждаете?

Радек: Да.

Вышинский: И что... правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков» в СССР?

Радек: Да.

Вышинский: Вы сказали господину..., что блок может пойти на эти уступки?

Радек: Да, мы подтвердили мандат Троцкого на переговоры о том, в чем эти уступки должны были заключаться.

Вышинский: Я вас спрашиваю, вы обещали от имени блока господину... эти реальные уступки или нет?

Радек: Да.

Вышинский: Это измена?

Радек: Да.

Вышинский: Вас спрашивали на допросах после ареста — виновны ли вы перед партией и советским государством. Что на это вы отвечали?

Радек: Я отвечал, что нет.

Вышинский: Спрашивали ли вас о связи с другими участниками террористической группы? Что вы отвечали?

Радек: Отрицал.

Вышинский: Это было 22 сентября 1936 года?

Радек: Да.

Вышинский: Вас поставили на очную ставку с Сокольниковым?

Радек: Да.

Вышинский: Сокольников изобличал вас?

Радек: Да.

Вышинский: А вы?

Радек: Все отрицал от начала до конца.

Вышинский: Сколько месяцев вы отрицали?

Радек: Около трех месяцев.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Об'является перерыв до 6 часов вечера.

Дневник вечернего заседания 24 января

Вечернее заседание начинается допросом *свидетеля Ромма, личного* друга и политического единомышленника Радека.

Государственный обвинитель тов. Вышинский подробно расспрашивает свидетеля Ромма о том, как он передал Радеку полученное летом 1931 г. через посредство Седова письмо Троцкого, и знал ли Ромм, о чем писал Троцкий Радеку.

Ромм: Общее содержание письма было *мне известно: об'единение с зиновьевцами* и правыми и террор в первую очередь— против Сталина и Ворошилова.

Из дальнейшего допроса выясняется с полной очевидностью, что Ромм целиком разделял предательскую программу Троцкого, что на протяжении всего периода работы Ромма в качестве советского журналиста за границей он активно участвовал в *контрреволюционной* троцкистской *организации* и был в курсе преступных целей «параллельного центра».

Ромм неоднократно встречался с Седовым. Была у него в 1933 г. и встреча с Троцким.

Вышинский: Для чего Троцкий хотел с *вами встретиться?*

Ромм: Вероятно, чтобы устно подтвердить то, что он писал в письме Радеку. Он говорил, что согласен с идеей создания «параллельного центра» и что параллельный центр будет не только параллельным, но и самостоятельно-действующим. Троцкий говорил о терроре, вредительских актах и конечных целях всего этого. Он *говорил, что одна* из главнейших задач троцкистов вызвать у всего населения глубочайшее недоверие к сталинской пятилетке. Закончил Троцкий латинской поговоркой: «Чего не излечивает лекарство, то излечивает железо; чего не излечивает железо, то излечивает огонь».

Затем Троцкий передал Ромму книгу «Цусима», в переплете которой было заделано *письмо для* Радека. Письмо это Ромм отвез в Москву, сдал Радеку, а когда он в конце 1933 года возвращался за границу, он опять в переплете, на этот раз немецкой книги, отвез письмо Радека Троцкому. Всего Ромм перевез в обе стороны—от Троцкого к Радеку и от Радека к *Троцкому—пять писем.*

Из последующего допроса выяснилось, что Ромм, будучи корреспондентом «Известий» в США, обязался быть информатором Троцкого по вопросу о советско-американских отношениях.

После того, как Ромм вынужден был это признать, государственный обвинитель спросил его:

— Почему *советско-американские отношения* интересовали Троцкого?

Ромм: Это вытекало из установок Троцкого на поражение СССР. Поскольку вопрос о сроках войны Германии и Японии с СССР в известной мере зависел от состояния советско-американских отношений, *это не могло не интересовать Троцкого...*

После окончания допроса свидетеля Ромма суд *переходит к допросу третьего* главаря «параллельного центра»—подсудимого Сокольникова.

Отвечая на вопросы государственного обвинителя, Сокольников шаг за шагом раскрывает, что ему было известно об «об'единенном центре». Ему известно было *не только о существовании этого центра,* но и о переговорах с правыми. Каменев вел переговоры с Бухариным и Рыковым, Зиновьев—с Томским и Углановым. В этих переговорах была установлена общность программы и общность тактики. Но организационно правые не захотели войти в блок, а заявили, что будут иметь отдельную организацию и сохранят лишь контакт *с «об'единенным центром».*

После краткого допроса об отношении самого Сокольникова к «об'единенному центру» тов. Вышинский переходит к детальному выяснению преступной деятельности Сокольникова в качестве одного из руководителей «параллельного центра». *Особо останавливается* государственный обвинитель на выяснении содержания предательских переговоров подсудимого Сокольникова у себя в служебном кабинете с официальным представителем одного иностранного государства.

Подсудимый Сокольников показывает:

— Он спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству. Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее, являются ли эти предложения серьезными. Я подтвердил и это. Он спросил, *является ли это моим личным мнением.* Я сказал, что нет: это мнение моих друзей. Это его заявление я понял, как подтверждение того, что правительство этой страны действительно получило предложение Троцкого убедиться, что действительно предложения Троцкого известны организации и что право Троцкого на эти переговоры не оспаривается.

В дальнейшем *допрос сводится* к рассмотрению сущности троцкистских «двух вариантов» реставрации капитализма в СССР. Подсудимый Сокольников, отвечая на вопросы тов. Вышинского, вынужден раскрыть «философию» вариантов Троцкого.

— Руководящие *члены центра,*—показывает Сокольников,—считают, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться, как социалистическая. Говорилось, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Фашизм—это самый организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму...

В результате этой части допроса подсудимый Сокольников на прямой вопрос государственного обвинителя:

— Правильно ли я формулирую в обвинительном заключении, что «главной своей задачей параллельный центр ставил насильственное свержение советского правительства в целях изменения существующего в СССР общественного и государственного *строя»,—опустив голову, тихо* отвечает:

— Да, правильно...

После этого путем беглого опроса Сокольникова и Шестова государственное обвинение устанавливает с полной категоричностью, что «параллельный центр», в *целях быстрейшего ослабления мощности* СССР, привлекал по прямым директивам Троцкого для вредительской и диверсионной работы не только троцкистов, но и антисоветские контрреволюционные элементы, в частности, остатки вредительских организаций, осужденных в свое время по «Шахтинскому» процессу и по делу «Промпартии».

В заключение допроса председательствующий тов. Ульрих выясняет, какое личное участие принимал Сокольников в террористической деятельности «параллельного центра». Сокольникову весьма не нравится эта «неприятная» часть допроса, он пытается всячески смазать свою роль, но в *конце концов перед лицом* фактов и улик признает, что он не только был осведомлен о террористических группах, но некоторыми лично руководил.

В конце вечернего заседания суд приступает к допросу подсудимого Серебрякова. Развертывается чудовищная картина вредительской контрреволюционной деятельности этого махрового врага и предателя.

Серебряков подтверждает, что на его обязанности были два задания: установление связи с грузинскими троцкистами через известного троцкиста Мдивани и вредительство на транспорте. Первая задача преследовала цель подготовить *ряд террористических актов,* в том числе, против товарищей Сталина, Ежова и Берия. Грузинский троцкистский центр собирался для лучшего выполнения своих злодейских планов об'единиться в одном блоке с дашнаками, муссаватистами и грузинскими меньшевиками. С последними связи уже завязались.

Вторая задача—вредительство на транспорте — преследовала цель полностью дезорганизовать наш транспорт, чтобы на случай войны он оказался несостоятельным.

Серебряков был *достаточно активен.* В короткий период он сумел привлечь ряд крупных троцкистов - железнодорожников: Арнольдова, Лившица, Зорина, Миронова, Кишанова, которые развернули неслыханную вредительскую деятельность.

Прекратилась эта деятельность только с арестом преступников и изменников родины.

В 10 часов вечера судебное заседание окончилось. (ТАСС).

ИЗ ЗАЛА СУДА

РЕЗИДЕНТЫ ФАШИЗМА

Вот он стоит перед судом народа,—человек с двойной жизнью, подлый человечек, одной рукой щедро дававший клятвы и заверения в своей верности партии, а другой рукой пытавшийся всадить нож в спину *революции. Он стоит* у барьера и, поблескивая стеклами очков, часто облизывая губы, ведет счет своим гнусным преступлениям, счет, в котором значатся и диверсии, и террор, и взрывы, и отравления. Огненными буквами записана в этом счете измена родине.

С фиглярскими ужимками, с легкостью борзописца он сам дает себе и своим *деяниям социальные* характеристики. Но из всех характеристик наиболее полной и правильной будет та, которую Радек, припертый к стене прямыми и точными вопросами государственного обвинителя, вынужден произнести:

— Мы стали резидентурой фашистских государств.

Грязные людишки, на чьем черном знамени было начертано—измена родине, они пытались повернуть колесо истории, отбросить страну назад к капитализму. В коричневые фашистские щупальцы вплелись руки Троцкого, Радека, Пятакова, Сокольникова...

В той игре, которую они вели, в *ставке на капитализм, уменьшение или увеличение* подлости на 5 процентов роли не играет. Об этом Радек говорит с усмешкой человека, прекрасно знающего всю меру подлости. Правда, он любит говорить общими длинными и пышными фразами. Он вьется ужом, пространно говорит о моральной ответственности, увиливая от уголовной. Это же проза, грубая проза. Рядом точных вопросов, на которые Радек вынужден *отвечать прямо и конкретно,* государственный обвинитель срывает с него рыцарские доспехи, в которые он пытается рядиться, обнажая изменника родины, фашистского резидента.

Гнусные бандиты, они понимали друг друга с полуслова, кого надо убить, или, как они выражались, устранить. В Сталина, в руководителей партии и *правительства,—вот в кого они метили!*

Мрачная картина: в Смольном еще не остыл труп С. М. Кирова, но Радек уже считает, что надо перейти к планомерному террору, намечает новые жертвы и в эту же ночь пишет свою, полную лицемерия, статью о человеке, которого они же *убили,—о Кирове. Что может быть подлее этого?!*

С каждым часом процесса все сильней, все глубже раскрывается степень падения подлой троцкистской банды. А над ней, точно зловещий призрак, встает фигура Иудушки-Троцкого—заплечных дел мастера, чьи руки обагрены кровью Сергея Мироновича Кирова. Сами подсудимые *по штрихам и по деталям,* коллективными усилиями набрасывают портрет этого выродка рода человеческого.

Тихим, приниженным голосом дает свои свидетельские показания друг, связист Радека и осведомитель Троцкого Ромм. Он оживляется и с усмешечкой вспоминает свою встречу с Троцким в Париже. Они гуляли в Булонском лесу, и Троцкий информировал Ромма, что надо передать Радеку. Он требовал действий, активных вредительских действий против советской страны. Да, вспоминает Ромм, Троцкий цитировал латинскую поговорку. Вот ее текст:—Чего не излечивает лекарство, то излечивает железо; чего не излечивает железо, то излечивает огонь.

Террора требовал Троцкий, вредительских актов, диверсий, взрывов, отравлений... И поучал:—надо, чтобы горняк, спускаясь в шахту, летчик, садясь в *самолет, танкист, садясь в танк,* красноармеец, надевая противогаз, ощущали глубочайшее недоверие к детищам сталинской индустриализации.

В зале очень тихо. Донельзя отвратительным, изуверским повеяло от этих слов. Седой Бобин, кузнец ленинградского Кировского завода, внимательно слушающий допрос подсудимых, что-то в гневе шепчет своему соседу Николаю Сметанину. Гнев заливает лицо молодого танкиста *Николая Громова. Он* сжимает кулаки и заставляет себя сидеть прямо, не шелохнувшись. *Кажется,* можно прочесть общую мысль, охватившую и танкиста Громова, и кузнеца Бобина, и стахановца Сметанина, и академика Орбели: так вот что они сделать хотели с нашей родиной, вот какую роль фашистского придатка они в своих планах уготовили Советскому Союзу!..

Обвиняемый Сокольников раскрыл эти карты. Сонный, прилизанный господин, он *отпивает глоток воды и, осторожно подбирая слова,* повествует о подрывной работе. И суть всей их работы, их программы, то, что пытался завуалировать и обволакивал пышными фразами и разглагольствованиями Радек, — сухо, деловито излагает Сокольников. Правда, он не спешит с *признаниями.* Государственный обвинитель ставит ему один вопрос за другим, и тогда вялым, скучным тоном он раскрывает не только свой продажный сговор с послом одной державы, не только свое руководство террористическими группами, но и во имя чего все это свершалось.

Во имя реставрации капитализма они *шли на сговор с фашистами,* отдавали немцам Украину, отдавали японцам Приморье и Приамурье. Они продавали марганец, нефть, хлеб, территории, людей, многомиллионный народ они отдавали в кабалу капитализма.

Они отбрасывали прочь все человеческие чувства. «Мы рассуждали, как политики», — продолжает повествовать Сокольников. Как продажные политики! Они все принимали в расчет: игру международных интересов, требования фашистов, с которыми они сговаривались. Все. Но только обходили, не принимали в расчет интересы народа. Почему? Да потому, что народ для них был опасен. Они боялись народа *и потому не совались в народ.*

На кого же они рассчитывали опереться в случае своей победы? И вопрос за вопросом государственный обвинитель обнажает нутро этих оруженосцев фашизма.

— На рабочий класс?—спрашивает тов. Вышинский.

— Нет,—качает головой Сокольников.

— На колхозное крестьянство?

— Конечно, нет.

— На остаточки кулака?

— Да, — тихо произносит Сокольников.—На остаточки кулака.

«Остаточки кулачества» и разложившиеся антисоветские группы, меньшевики и белогвардейские вредители, — вот с кем они смыкались, кого искали в союзнички. Точно палачи в белых перчатках, руководители троцкистского центра избегают называть вещи своими именами. Убийства вождей народа, вредительство, диверсии, отравление рабочих—все это они обозначают интеллигентным словом — «противодействием». Шестову — организатору *убийств рабочих и диверсий* в Кузбассе, такая утонченность не нравилась. Надо вещи называть своими именами.

— Что такое противодействие? — спросил он у Седова в Берлине, когда тот передавал ему инструкцию Троцкого. — Разрушительная работа—так что ли нужно понимать?

Оказалось, так.

Низенький, золотозубый, улыбающийся палач с цинизмом сообщает суду, что у него никаких *иллюзий* на этот счет не было. Он знал, чего хотел Троцкий, что ему наказывал Пятаков. И выполнял, т. е. отравлял рабочих, взрывал шахты, готовил убийства... И вербовал сообщников среди бывших вредителей, которых он называет «людьми высокой марки».

...Вот они сидят за судебным барьером «люди фашистской марки», подлые агенты германских и японских разведок, убийцы и диверсанты, жизнь которых соткана из измены, черной измены на каждом *шагу...*

Б. ГАЛИН.

Уничтожить изменников родины, кровавых псов фашизма — таково требование трудящихся масс Советского Союза

Кого троцкисты убили на нашем заводе

Письмо рабочих Горловского азотно-тукового завода, Донбасс

Рабочие, служащие и инженерно-технический персонал Горловского азотно-тукового завода с чувством неизмеримой ненависти ознакомились с обвинительным заключением по делу антисоветского троцкистского центра.

Грандиозные победы нашего народа в строительстве социализма, одержанные под руководством товарища Сталина, вызвали у троцкистских предателей и их право-оппортунистических пособников звериную ненависть.

Продавшись фашистам, они пытались разоружить советский народ.

Фашистские наемники убили родного С. М. Кирова. Их звериной лапой задушены лучшие ударники и стахановцы нашего завода.

Мы просим прокурора СССР тов. Вышинского прочитать на суде перед лицом всей нашей страны имена лучших людей завода, погибших от руки троцкистских диверсантов. Пусть знает весь мир, кого убили эти мерзавцы.

Вот список жертв: Лунев Иван Егорович, стахановец, рождения 1902 года; Юдин Владимир Андреевич, талантливый инженер, рождения 1913 года; Куркин Елисей Федотович, комсомолец-стахановец, рождения 1916 года; Стрельникова Ирина Егоровна, ударница, рождения 1913 года; Мосиец Николай Иванович, ударник, рождения 1913 года. Эти товарищи убиты. Раненых было больше десяти человек.

Мы точно знаем, что эти убийства были делом троцкистов Ратайчака и Пушина. В цехах нашего завода действовали по единому диверсионному плану фашисты-немцы, непосредственные посланники Гестапо, и троцкистские вредители, получившие задание от того же Гестапо через Троцкого и Ратайчака. Троцкистско-фашистская банда вредила заводу во время его строительства, капитальных ремонтов и эксплоатации. Палачи убивали стахановцев преднамеренной перегрузкой механизмов, приводившей к взрывам.

Беда рабочего коллектива завода была в том, что его партийную организацию долгие годы возглавлял сжившийся с троцкистской бандой Кобзарь. Первый взрыв с человеческими жертвами враги организовали в начале 1934 года, второй — в конце 1935 года. Они каждый раз ставили под удар стахановцев, лучших людей завода. Сердце сжимается при воспоминании, в каких страшных мучениях погибли лучшие наши товарищи.

Чтобы замести следы последней диверсии, троцкист Ратайчак прислал на завод комиссию во главе с Пушиным. И, когда еще не застыла кровь убитых и раненых стахановцев и ударников, когда гул взрыва еще гремел в ушах рабочих, вредители во главе с Пушиным устроили на заводе банкет. Вредительская комиссия пировала.

Мы просим также тов. Вышинского довести до сведения всех наших друзей, что, несмотря на огромный вред, нанесенный троцкистскими диверсантами, мы уже давным-давно восстановили наш завод. План 1936 года выполнен. Он был закончен еще в ноябре 1936 года.

Из обвинительного заключения мы узнали, что убийства десятков людей не удовлетворяли троцкистских палачей. Они намеревались истреблять нас тысячами. Они подбирались к сердцу и мозгу нашего народа — товарищу Сталину.

Народ ответит еще большим сплочением своих рядов вокруг товарища Сталина. Мы разоблачим и раздавим эту банду всех до единого! Ни на минуту эти жалкие пигмеи не остановят движение великого народа.

Рабочие Горловского азотно-тукового завода просят Военную Коллегию Верховного суда присудить всю банду троцкистов к расстрелу.

Письмо подписано 800 рабочих Горловского азотно-тукового завода.

РАССТРЕЛЯТЬ ТРОЦКИСТСКИХ БАНДИТОВ!

Вся моя семья читала обвинительное заключение по делу антисоветского троцкистского центра.

Факты, изложенные в этом документе, показывают, как пытались продавать нашу родину наймиты фашистов.

Предатели Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц и другие обвиняемые по этому делу совершали такие подлые, изменнические дела, каких еще не знал мир. Они — убийцы честных рабочих Кемеровского рудника, они — убийцы наших доблестных красноармейцев. Эти диверсанты и шпионы мечтали о возврате капиталистов и кулаков, чтобы закабалить советский народ.

По прямым указаниям предателя, лакея мирового фашизма Троцкого, ничтожная шайка политических бандитов торговала Советской Украиной, социалистической нефтью и нашими заводами. Но они торговались без хозяина, эти жалкие пигмеи.

Пятаков, Радек, Сокольников, Лившиц, Князев и другие бандиты стремились парализовать работу транспорта и совершали вредительские акты на этом ответственном участке народного хозяйства. Они уничтожали ценное государственное имущество и распоряжались, как воры, народным достоянием.

Нашему возмущению нет предела. Мы требуем справедливого приговора. А приговор может быть только один — расстрелять бандитов!

Машинист депо Куйбышев **Д. Баранов** (член РКП(б), награжденный значком ударника сталинского призыва и значком ударника водного транспорта), **А. Савельев** (тесть Баранова, кладовщик железной дороги), **Е. Савельева** (домашняя хозяйка), **А. Савельева** (ученица девятого класса).

НАШИ ТАНКИ ГОТОВЫ

Танкисты части, которой командует тов. Шевченко, собрались в общежитии. Посреди комнаты, за столом, — командование части. Митинг открывает тов. Альперович. В комнате напряженная тишина. Сурово слушают бойцы об омерзительных предательствах, задуманных бандой изменников.

Названы презренные имена фашистских агентов, и гневный шорох, как испепеляющий вихрь, проходит по рядам собравшихся. Один за другим подходят бойцы к столу президиума и, круто повернувшись к собравшимся, произносят гневные речи.

Курсант Федоров — комсомолец, спокойный и сосредоточенный, говорит, будто взвешивает каждое слово:

— Пять месяцев назад советский народ уничтожил банду убийц, возглавлявшуюся Зиновьевым и Каменевым. Антисоветский троцкистский центр — это второй выводок одного и того же змеиного троцкистского гнезда. Предатели направляли свой удар на Красную Армию. Но нет в мире такой силы, которая поколебала бы стойкость советского танкиста, стойкость бойца Красной Армии. В этом убедятся и германские и японские хозяева Пятакова, Радека и всей их банды. Если эти хозяева осмелятся напасть на советскую землю, пулеметы и орудия советских танкистов споют панихиду фашистам на их земле. Для этого мы, не щадя сил, будем теперь еще лучше овладевать танком.

Отделенный командир Боханов — сверхсрочник. Он простудил горло, говорить ему много не разрешено. Но разве можно молчать, когда гнев переполняет грудь, когда ненависть закипает в крови! Он говорит:

— Они пытались продать нашу Украину германским фашистам. Они хотели, чтобы на нашей земле снова сел пан, чтобы вернулся заводчик, чтобы петли кабалы затянула шею рабочим и колхозникам нашей родины. Мое отделение имеет одно требование: расстрелять предателей! Слугам Гитлера нет места на нашей земле.

Боханов передает это требование своего отделения под громкое одобрение товарищей.

— Противника, взятого в бою, — восклицает лейтенант Часовников, — мы можем пощадить, предателя — никогда. Наши машины в полной боевой готовности. На удар врага ответим по-большевистски — полным его уничтожением!

К столу президиума подходит курсант-орденоносец, член ЦИК Украины тов. Остроглид. Его взволнованную речь прерывают звонкие, как выстрелы, аплодисменты.

— Враг ставил своей задачей расчленить Советский Союз, чтобы легче было интервентам-фашистам победить советскую власть. Враг просчитался! Ни расчленить, ни победить советскую власть ему никогда не удастся. Враг ставил своей задачей уничтожить колхозы и вернуть трудящемуся крестьянину пана и кулака. Враг просчитался! Чтобы уничтожить колхозы, надо уничтожить весь 170-миллионный советский народ. А советский народ непобедим. Если нам навяжут войну, мы закончим ее на вражеской территории.

А. ПАТЯК.

Киев.

Колхозная ненависть

К семи вечера в зал московского Дома колхозника стали сходиться бригадиры, парторги, звеньевые, трактористы, животноводы... Тут были колхозники из Туркмении, с Волги, из Казахстана, из подмосковных районов...

После обеда по всем комнатам прошли культурники и сказали, что вечером в большом зале можно будет услышать обвинительное заключение по делу Пятакова, Радека и прочих. Иные колхозники спрашивали: «Пятаков! А кто он есть?» Некоторые были в раздумье. Однако, услышав, что Пятаков и сообщники его торговали советской страной и замышляли убийства вождей, колхозники сумрачно переглянулись и уже больше не говорили ни о земляках, ни о цирке, ни о том, на какой площади интереснее побывать — на Красной или Свердловской.

К семи часам вечера в зале сошлось человек четыреста. Хмуро поглядывали на сцену, где радиоаппарат. Говорили негромко: «Это ж не люди. И не звери. У зверя подлости такой нет. Это, как сказать, просто...»

Искали слов и не находили.

Вздыхали колхозницы: «Так всё у людей пошло по-хорошему, по-милому, все — к радости, а у них на душе, у проклятых, злоба черная против народа...»

Но вот четко и громко зазвучали страшные слова:

«...При помощи иностранных государств...» «с целью восстановления капиталистических отношений...» «допущение германского и японского капитала к эксплоатации СССР...»

Шорников ткнул рукой в сторону сцены и ненавистно не то крякнул, не то проскрипел.

Рядом сидел Василий Каверин, колхозник из «Красной победы», Терновского района, Воронежской области. Услышав о «роспуске колхозов», он растегнул ворот рубахи и явственно произнес очень крутое слово.

Кто-то сквозь зубы проговорил:

— В лоб бы волчьим зарядом!..

«...придется уступить Японии Приморье и Приамурье, а Германии — Украину...» «Крушение воинского эшелона...» «погибло 29 красноармейцев...»

Жуть усиливается от того, что голос диктора четок, ровен, спокойно холоден.

«...путем взрывов, поджогов, крушений поездов...» «с целью заражения острозаразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания...».

На кого ни взгляни, все смотрят на сцену исподлобья, у иных лица сумрачны и темны.

Но, слава богу, душные, удушающие слова кончились. В зале — напряженная тишина. Тов. Касьян, заведующий культотделом Дома колхозника, спрашивает: «Не желает ли кто-нибудь взять слово».

В прогале меж рядов возникает фигура колхозника. Он идет, согнувшись, точно под тяжестью. Шаги тяжелы и гулки. Это — Лосев из Милославского района, Московской области.

Голос его пресекается. Первую фразу он кончает словом — Сталин: «наш Сталин». Зал колыхнулся, рукоплескания перемешались с ревом, восторженным, неудержимым, бесконечным...

Лосев кричал:

— За землю... за землю нашу советскую, которую хотели продать...

Задние ряды поднялись. Оттуда несется гуд, гул...

Лосев кричал:

— Собак этих уничтожить народной советской пулей.

Тут он, словно сбросив груз ненависти, выпрямился и поклонился кипящему, рукоплещущему, стонущему от ненависти залу.

А. СНЕГОВ.

ИСКОРЕНИМ ПОСЛЕДСТВИЯ ВРЕДИТЕЛЬСТВА

(Из резолюции общего собрания работников главков Наркомтяжпрома)

Общее собрание работников главков Наркомтяжпрома с чувством великого гнева клеймит презрением подлых изменников родины.

Чудовищны преступления Пятакова, Радека, Ратайчака, Сокольникова и других участников антисоветского троцкистского центра, представших перед советским судом.

Гнусные предатели вступили в связь с злейшими врагами советской страны — с иностранными агрессорами, чтобы ускорить военное нападение на нашу родину, добиться поражения Советского Союза в войне и из кровавых рук гитлеровских людоедов получить призрачную власть в завоеванной и порабощенной фашистами стране.

Мы требуем от нашего пролетарского суда беспощадной расправы с подлыми предателями, требуем, чтобы они были физически уничтожены.

Мы, работники тяжелой промышленности, где Пятаков, Ратайчак и другие негодяи творили свое гнусное дело, должны проявить ту подлинную большевистскую бдительность, которая поможет нам впредь распознавать врага, под какой бы личиной он ни скрывался.

Мы клянемся нашему дорогому товарищу Сталину, мы клянемся нашему железному наркому товарищу Серго Орджоникидзе:

— Отдадим все наши знания, все наши силы, чтобы в кратчайший срок ликвидировать последствия вредительства и обеспечить дальнейшее победоносное развитие тяжелой промышленности для укрепления обороны нашей страны на страх всем врагам социализма.

—o—

РАЗДАВИТЬ ГАДОВ!

ЛЕНИНГРАД, 24 января. **(Корр. «Правды»).** Город Ленина охвачен негодованием. Сотни тысяч ленинградцев ознакомились с текстом обвинительного заключения по делу антисоветского троцкистского центра. Люди напряженно вдумывались в каждое слово документа, распутывающего кровавый клубок чудовищных преступлений изменников родины, фашистских шпионов, диверсантов и убийц.

— Под обвинительным заключением подпишется весь советский народ, — говорили на заводах, в красноармейских казармах, на квартирах стахановцев, — все мы поддерживаем обвинение и требуем беспощадного уничтожения кровавых врагов народа.

Завод им. Марти.

Внимательно слушали рабочие текст обвинительного заключения. Часто раздавались гневные возгласы:

— Кровавые псы! Они хуже взбесившихся собак!

— Нет, не уйти собаке Троцкому от пролетарского правосудия!

Рабочие большого механического цеха тут же организовали митинг. Люди выступали с короткими, гневными речами.

— Они хотели нас потопить в крови, — говорил токарь Власов, — таких врагов надо уничтожить всех до единого.

— Фашистских наемников, — подхватил токарь Ионов, — надо стереть с лица земли.

— Они торговали нашей священной родиной! — воскликнул мастер Зуев. — Они убивали наших героев-стахановцев, наших славных сынов-красноармейцев. Приговор народа краток — раздавить врагов!

В единодушно принятой резолюции курсанты, командиры и преподаватели военно-политической школы им. Энгельса заявляют:

«Мы требуем беспощадного приговора...»

Смерть диверсантам!

РОСТОВ-на-ДОНУ, 24 января. **(Корр. «Правды»).** 20-тысячный коллектив рабочих, инженеров и служащих Ростовского завода «Сельмаш» имени товарища Сталина обсудил на митингах обвинительное заключение по делу антисоветского троцкистского центра. Слова гнева, возмущения, презрения и негодования звучали в речах выступавших рабочих.

Тов. Апришко, кузнец кузнечно-прессового цеха, заявил:

— Мы всей бригадой пришли к единодушному выводу: врагов народа надо физически уничтожить. Мы требуем, чтобы и у нас на заводе до конца были вскрыты последствия вредительской работы презренных троцкистских отпрысков — Глебова-Авилова, Гогоберидзе и других. Даем обещание партии помочь в этом разоблачении.

В принятой резолюции рабочие «Сельмаша» пишут:

«Выражаем глубокую ненависть к врагам народа, которые хотят нас, самых свободных людей в мире, превратить в рабов капитализма. Выражаем свое возмущение и негодование подлым изменникам нашей родины — Пятакову, Радеку, Сокольникову и другим.

Пусть помнят враги Советского Союза: мы не допустим расчленить нашу счастливую страну».

—o—

ТРЕБОВАНИЕ ПОЛЯРНИКОВ

ОСТРОВ ДИКСОН, 24 января. **(Корр. «Правды»).** Узнав по радио о начале процесса над бандой фашистских зверей — над Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Серебряковым и другими бандитами, осмелившимися поднять грязную лапу на лучших продолжателей дела Ленина и продававшими фашистам страну социализма, — весь коллектив острова Диксон единодушно требует применить к ним высшую меру наказания.

Настал час расплаты

КЕМЕРОВО, 24 января. **(По телеграфу).** Перед Верховным судом предстали предатели нашей родины, бывшие руководители Кемеровокомбинатстроя Норкин и Дробнис, а также и высшее руководство химической промышленности — Пятаков и Ратайчак.

Могильщики Кемеровского строительства копали глубокую могилу нашей родине, но просчитались. Нет такой силы, которая могла бы остановить победоносный расцвет нашей родины. Врагам родины, предателям рабочего класса, озверевшим бандитам не может быть ни милости, ни пощады. Работников Кемерово удовлетворит только один приговор — расстрел.

Главный инженер Химстроя Кемерово ЛЕЙНИКО.

Подлость и предательство

Научным работникам пришлось особенно сильно почувствовать вредительскую деятельность Пятакова. Он всячески тормозил развитие научно-исследовательской работы. Мы это видим на опыте строительства нашей станции глубокого охлаждения, за которую приходилось драться буквально на каждом шагу. У Пятакова была определенная формула: «Научно-исследовательская работа для промышленности не имеет никакого значения». Это — формула врага.

Враги разоблачены и получат по заслугам. Но этого мало. Надо ликвидировать последствия вредительского руководства.

Академик А. И. ЛЕЙПУНСКИЙ.

Харьков.
(По телеграфу).

Проклятье троцкистской банде

СЕВАСТОПОЛЬ, 24 января. **(Корр. «Правды»).** На кораблях проходят митинги и собрания, на которых краснофлотцы и командиры выступают с речами, полными гнева к врагам народов, реставраторам капитализма.

— Нет более грязных, отвратительных, подлых дел, — говорит краснофлотец крейсера «Профинтерн» Шкляр, — чем те, которые вела омерзительная шайка озверевших бандитов.

В принятой единогласно резолюции бойцы крейсера «Червона Украина» говорят:

— Требуем беспощадного истребления трижды проклятых презренных троцкистско-зиновьевских бандитов. Проклятье банде гнусных мерзавцев из антисоветского троцкистского центра и их пособникам — правым отщепенцам.

Фашистские шпионы

(Из резолюции коллектива Московского вагоноремонтного завода «Памяти революции 1905 г.»)

Мы, рабочие, ИТР и служащие вагоноремонтного завода «Памяти революции 1905 г.» НКПС, выражаем свое глубокое негодование и возмущение преступной, предательской работой негодяев-троцкистов.

В угоду фашизму они хотели расчленить могучий СССР, свергнуть советскую власть, восстановить господство буржуазии.

По прямым указаниям фашиста Троцкого они занимались отравлением и удушением рабочих, вредительствовали на предприятиях, на транспорте, всеми методами старались подорвать социалистическое хозяйство.

Презренные изменники лакействовали в передних фашистских охранок. Продавали и предавали рабочих и крестьян.

Продажные фашистские шпионы — Пятаков, Сокольников, Радек, Лившиц и другие должны быть сметены с лица советской земли.

—o—

РУКИ КОРОТКИ!

(Из резолюции рабочих Электрозавода, Москва)

С чувством глубокого возмущения прочли рабочие обвинительное заключение по делу антисоветского троцкистского центра.

Сговорившись с иностранными дипломатами и генеральными штабами, прихвостни Гитлера хотели отнять у нас все завоевания Великого Октября, отдать внаймы капиталистам кровью завоеванную социалистическую индустрию, продать иностранному капиталу наши лучшие заводы.

Руки коротки у вас, господа немецкие и японские фашисты!

Гнусные злодеяния ваших подручных — Пятакова, Радека и других — раскрыты, и виновники понесут должное наказание. Железная рука советского народа разобьет вдребезги это фашистское гнездо.

Не сломить нашей силы, единства, сплоченности!

РАССЛЕДОВАТЬ ПРИЧАСТНОСТЬ ПРАВЫХ ОТЩЕПЕНЦЕВ

(Из резолюции завода № 1 им. Авиахима)

Железной рукой НКВД схвачена и посажена на скамью подсудимых кучка контрреволюционного троцкистского охвостья — гнусные провокаторы войны, изменники родины — Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и другие.

По указанию озверелого бандита, предводителя передового отряда контрреволюции Иудушки Троцкого они хотели насильственно свергнуть наше правительство и реставрировать капитализм.

Из показаний подсудимого Пятакова видно, что троцкистская банда имела связь с Бухариным и Рыковым. Мы требуем расследовать причастность правых отщепенцев и привлечь их к судебной ответственности. Всех, кто хоть в малейшей степени связан с Иудушкой Троцким, нужно пригвоздить к позорному столбу.

Троцкисты вредили нашей оборонной промышленности, хотели ослабить военную мощь нашей могущественной державы. Мы еще более усилим работу на оборону страны. Фашистские мерзавцы и их хозяева почувствуют силу Советского Союза, если посмеют на нас напасть.

Мы, рабочие, ИТР и служащие завода № 1 им. Авиахима, обращаемся к советскому правосудию: надо расстрелять всех изменников родины, озверелых наймитов фашизма!

—o—

ПРЕДАВАЛИ И ПРОДАВАЛИ НАШУ РОДИНУ

(Из резолюции общего собрания рабочих Московского инструментального завода)

Презренная кучка отбросов человечества пыталась организовать покушение на наших любимых вождей, готовила восстановление капитализма в нашей стране, предавала и продавала нашу родину злейшим врагам трудящихся — германским фашистам и японской военщине.

Круг чудовищных преступлений завершен. Расстрелять!

Великий советский народ, воспитанный на ленинской непримиримости, на сталинских уроках бдительности, еще теснее сплотится вокруг большевистской партии, вокруг ее Центрального Комитета и товарища Сталина.

—o—

СТЕРЕТЬ ТРОЦКИСТОВ С ЛИЦА ЗЕМЛИ

(Резолюция митинга рабочих завода им. Владимира Ильича, Москва)

Социалистическую родину мирового пролетариата, страну, где уничтожена эксплоатация человека человеком, где социализм победил окончательно и бесповоротно, — Троцкий и весь его антисоветский троцкистский центр пытались отдать буржуазии на поток и разграбление.

Потеряв в своей злобе к Советскому Союзу подобие людей, эти убийцы решили отнять у трудящихся Советского Союза все, что завоевано и записано в Сталинской Конституции. Они хотели очистить дорогу кулаку, ликвидировать колхозный строй, вернуть землю кулакам и помещикам, заводы и фабрики — капиталистам, они хотели на клочки разорвать Советский Союз и отдать его своим фашистским хозяевам.

Они тратили советское золото на троцкистские диверсионные акты. Вместо покупки машин и станков Пятаков щедрой рукой отдавал в Берлине золото советского народа на организацию террористических и диверсионных банд.

Нет такой подлости, на которую не были бы способны эти предатели. Они осквернили нашу священную землю. Их нужно стереть с лица земли!

Да здравствует наша прекрасная страна! Да здравствует наша партия и наш вождь товарищ Сталин!

Митинг в карамельном цехе кондитерской фабрики им. Бабаева (Москва), посвященный суду над антисоветским троцкистским центром. Выступает работница А. П. Брыкина. Союзфото.

Что мы слышали на процессе

ОТЩЕПЕНЦЫ

Подсудимый Шестов, довольно крупно навредивший мелкий холуй при своих «господах», *получая от них назначение на* вредительскую «работу», добивался ясности: в рабочем классе, крестьянстве, — говорил он,—не найдешь людей способных на это. На это пойдут остатки старых инженеров-вредителей и кулацкое охвостье. Как быть?

— Именно на эти силы мы и должны опираться, — отвечали ему его «господа». — В борьбе со сталинским руководством все средства «хороши».

Один из «хозяев» подсудимого Шестова, сам тоже холуй, но при более крупных «господах»,—подсудимый Сокольников еще более четко *определил на суде свою и* своих сообщников «социальную базу»: они рассчитывали внутри страны опереться на все антисоветские силы, в частности на крестьянскую буржуазию.

Прокурор Вышинский: На остаточки кулака?

Подсудимый Сокольников: В том случае, если бы восторжествовала наша политика, эти остаточки могли сильно расшириться.

— Кроме того,—ровным голосом пояснял этот чистенький и аккуратный мерзавец,—вследствие привлечения иностранного капитала и развития частной торговли развились бы и другие буржуазные и мелкобуржуазные силы, на которые мы могли бы опереться.

Великий народ по доверию и бережливости своей привлек этого господина к большой работе в социалистическом государстве, а он оптом и в розницу продавал свой народ в надежде на портфель в буржуазном министерстве.

О невозможности рассчитывать в своей деятельности — деятельности невыразимо подлой, но по конечному существу своему столь же старой, как стар капитализм, — о невозможности рассчитывать на какую бы то ни было поддержку трудящихся масс говорил на суде и Радек — этот навозный плешивый гриб на тонких ножках, выросший где-то на задворках II интернационала. Развязно повествуя о том, как он пошел на службу к фашизму, он пытался еще кокетничать своими сомнениями и колебаниями, но ему-то, взлелеянному *международным меньшевизмом, перекидывавшемуся и туда и сюда,* легче всего было приспособиться к новым господам.

Ни в одной стране на земле, ни в старой России, ни в Польше, ни в Германии, хотя господин Радек бывал и там и сям, нет и не было такого рабочего класса, который мог бы сказать, что эта фигура является его, рабочего класса, порождением. Великий социалистический народ наш по бережливости своей в течение ряда лет пытался переделать его в человека. Но навозный гриб, сгнивая заживо и воображая, что горит ярким пламенем, легче всего привился на почве фашизма.

Так и проходят они перед судом, люди без единого народного корня, без роду, без племени, отщепенцы, годные только на то, чтобы унавоживать дорогу для капиталистов.

Могучий народ наш, напрягая в борьбе и труде все свои силы, строил и построил социалистическое государство — опору и надежду всего трудового человечества. А они, используя доверие народа, хищнически паразитировали на его теле, уничтожали плоды народного труда, физически истребляли рядовых тружеников, покушались на жизнь народных вождей (и убили одного из лучших), продавали оптом и в розницу прекрасную страну, созданную народом под руководством лучших его сынов.

Верные лакеи Троцкого постарались вовсю. Но Советский Союз стоит, как утес, и военная мощь его непреодолима.

Сам Троцкий со всей своей подлой реставраторской деятельностью паразитировал на дополнительном труде нашего народа, ибо существовал на те деньги, которые мы по предательству Пятакова переплачивали двум германским фирмам. Оказывается, и за это платил народ трудом своим!

И в том великая сила социализма, что ни вредительство, ни разрушительная диверсионная деятельность, ни шпионаж, ни помощь фашистских государств не могли остановить победоносного исторического хода социализма. *Годовой* прирост социалистического народного бюджета больше, чем весь об'ем бюджета дореволюционной России. И на растущем народном богатстве и социалистическом труде подымались и подымаются прекрасные, умные, сильные люди—люди человеческого возрождения.

Презрительно и безжалостно смотрят они на кривляющихся перед судом бесстыдно-голеньких ручных обезьян фашизма, *воображавших,* что *они могут* загородить миллионам людей дорогу к счастью.

А. ФАДЕЕВ.

МЕРЗАВЦЫ ПРОСЧИТАЛИСЬ!

Мне, присутствующему на суде, рабочему *человеку, совершенно ясно,* какие злодейства готовили отребья человечества, сидящие сейчас на скамье подсудимых. *У них было одно* желание — погубить, потопить в крови трудящихся нашу прекрасную социалистическую родину. Они сговаривались с худшими врагами рабочего класса — с германскими фашистами, с японской фашистской военщиной. Они готовились продать Советскую Украину в рабство германским оккупантам, они отдавали Приморье и Приамурье японским интервентам. На многих фабриках и заводах, на транспорте они организовывали вредительство, душили рабочих в шахтах, пускали под откос эшелоны с нашими доблестными красноармейцами.

Сегодня троцкист Серебряков рассказывал, как они искусно маскировали вредительство «предельными» нормами, пока тов. Каганович не разогнал банду вредителей, пока стахановцы транспорта на практике не показали вздорность установленных вредителями «предельных» норм.

Троцкисты в течение последних лет организовывали ряд покушений на жизнь товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе и других наших руководителей. Они убили тов. Кирова, при чем сидящие на скамье подсудимых члены антисоветского троцкистского центра задолго до убийства знали, что оно готовит*ся, некоторые из них, как, например,* Сокольников, даже знали, что убийство Кирова готовили Николаев и Котолынов под руководством Бакаева. Банда троцкистов совершила ряд гнуснейших в истории злодейств, уже успела нанести ущерб нашей родной стране.

Но то, что им удалось совершить, очень незначительно по сравнению с теми широкими злодейскими замыслами, которые они вынашивали вместе со своими хозяевами из Гестапо, германского и японского генштабов. Слушая показания этих подлейших из подлецов, с трудом представляешь себе, как много крови могли бы пролить эти бандиты, если бы им удалось осуществить свои преступные планы. Сколько *людей было бы истреблено ими с помощью* иностранных интервентов на нашей советской земле! Они хотели ускорить нападение на Советский Союз, они готовили массовое истребление трудящихся нашей страны, они хотели покрыть наши поля трупами рабочих и колхозников. При помощи диверсионных актов, взрывов, *железнодорожных* катастроф, подлых убийств из-за угла готовили смерть лучшим людям нашей родины — стахановцам, которые на всех участках социалистического строительства — в промышленности, на транспорте, в колхозах—показывают блестящие образцы подлинно большевистской работы.

Мне, рабочему человеку, хочется сказать громко, на весь мир: просчитались эти мерзавцы! Рабочие и колхозники нашей страны выросли, их не загонишь опять под ярмо капитализма. Они любят свою страну, потому что *они* любят жизнь, *они* никому не позволят торговать своей великой родиной.

Я говорю это не только от себя. Но *я* уверен, что весь коллектив фабрики «Скороход», весь рабочий класс СССР исполнен такой же яростной ненависти к банде троцкистских шпионов, диверсантов, убийц и предателей нашей прекрасной родины.

Н. С. СМЕТАНИН.

(Стахановец-орденоносец Ленинградской фабрики «Скороход»).

ПОДЛЫЕ ИЗМЕННИКИ ПОЙМАНЫ ЗА РУКУ

Омерзительно слушать показания троцкистских бандитов, дикими кажутся их желания распоряжаться судьбами нашего народа, судьбами колхозного крестьянства!..

Агенты фашизма, подлые оруженосцы Троцкого, они скатились до самого дна предательства. Дальше некуда идти, круг замкнут, негодяи на скамье подсудимых. Слушая их показания, невольно рисуешь себе картину, что бы стало с нашей страной, что бы они сделали с нашей родиной!..

Они договаривались с немецкими фашистами превратить Украину в германскую вотчину. Они продавали нашу родину по частям, продавали марганец, хлеб, нефть, продавали и предавали героический советский народ. Плохо ж они знают советский народ, который творит замечательные дела, *живет свободной жизнью!*

Эти негодяи рассчитывали на помощь Дона и Кубани, но они забыли, что трудовое казачество — *одно целое со всем* советским народом.

Мысленно я переношусь в свой район, на Дон, где голос народа заклеймит презрением фашистских негодяев. Я весь еще под впечатлением только-что закончившегося XVII Всероссийского С'езда Советов. Там мы обсуждали и утвердили Конституцию социализма, подвели итоги нашей счастливой жизни. И вот видишь, как наши успехи не дают покоя врагам народа, фашистским агентам во главе с Троцким.

Троцкий на своем грязном знамени написал:—Отступать к капитализму!

Это значит—они хотели надеть ярмо на колхозное крестьянство.

Это значит — снова атаман, снова кулак, снова кабала для колхозного казачества. *Это значит* — вернуть старые, капиталистические времена.

Просчитались! Подлые изменники пойманы за руку, их преступления раскрыты. Вся страна видит, как эти троцкистские змеи копили яд, пытаясь укусить, отравить наше строительство. Полным голосом говорит наш народ:—Раздавим гадину!

Как только я вернусь на Дон, я расскажу колхозникам, что я слышал на процессе, как судили подлых врагов народа, которые пытались сорвать строительство социализма. Ненависть кипит в моем сердце, ненависть к троцкистским гадам.

Чем больше враги беснуются, тем дружней, сплоченней мы будем работать на благо социализма, на благо нашей великой родины.

И. Ф. СЕРГЕЕВ.

(Делегат XVII Всероссийского С'езда Советов, секретарь Верхнедонского райкома партии, Азово-Черноморского края. Награжден орденом Ленина).

ОНИ ХОТЕЛИ ВЕРНУТЬ КАПИТАЛИСТОВ И ПОМЕЩИКОВ

Вот уже два дня, как я присутствую на процессе антисоветского троцкистского центра. Два дня—срок небольшой, но эти дни явились для меня большой политической школой. Передо мной на скамье подсудимых сидит живой враг, самый хищный, самый жестокий. Здесь, в зале суда, *я учусь распознавать врага и срывать с* него маски.

Вчера, когда подсудимые Радек и Сокольников говорили о программе контрреволюционного троцкизма, мне трудно было себя сдержать. Враги и предатели хотели вернуть старые порядки, хотели вернуть капиталистов и помещиков. Наибольшее возмущение вызвало во мне стремление предателей народа к восстановлению индивидуального хозяйства в деревне. Когда Радек и Сокольников говорили о роспуске *колхозов и ликвидации совхозов,* сидевший рядом со мной колхозник, кубанский казак, привскочил, и его рука невольно потянулась к кинжалу.

Колхозы—нашу гордость и славу—они хотели отдать на разграбление, они торговали нашим счастьем. Не выйдет это! Колхозники дадут свой ответ врагам и встанут, как один, на защиту наших колхозных нив.

Мы не сомневаемся в том, что пролетарский суд прислушается к голосу народных масс и вынесет беспощадный приговор злодеям-троцкистам.

З. П. ЯБЛОНСКИЙ.

(Председатель Либкнехтовского районного исполнительного комитета Северо-Кавказского края).

Слово старого железнодорожника

Впереди, справа от меня, сидит полковник-танкист. Рядом—пожилой человек в форме железнодорожника. Неподвижным, но внимательным взглядом они следят за человеком с желтой, песочного цвета бородкой—за человеком на скамье подсудимых. *Ровным голосом, негромким тенорком* Пятаков рассказывает о том, как к нему пришел начальник дороги Лившиц—«старый *троцкист» и они говорили о новых* методах борьбы, о том, как директивы Седова, сына Троцкого, превратить в действительность. Действительность, *о которой* говорил Пятаков с Лившицем, выражалась в террористических актах и разрушительной работе.

Человек, сидящий слева в форме железнодорожника, упирается в спинку стула, поворачивается и тихо спрашивает:

— Это что же — транспортник?

— Бывший начальник дороги,—шопотом отвечают ему,—и бывший замнаркомпуть.

Изумление появляется в глазах железнодорожника. Пожилой рабочий, человек, награжденный орденом Трудового Красного Знамени, расширенными глазами глядит на предателя, шпиона и вредителя.

Прокурор Вышинский обращается с вопросом к Лившицу. Он хочет уточнить, где произошел разговор Пятакова со «старым троцкистом» Лившицем — в кабинете Пятакова или в служебном вагоне Лившица. Лившиц охотно восстанавливает обстоятельства, при которых произошел разговор о директивах сына Троцкого. Этот разговор происходил не в служебном вагоне, а *именно в кабинете Пятакова. И с чувством* исполненного долга изменник и вредитель садится на место.

Конечно, он не увидел взгляда, которым его проводил орденоносец, железнодорожник, котельный мастер Московско-Киевской дороги Петр Филиппович Тараканов.

Перерыв. Котельный мастер сидит погруженный в воспоминания. Он вспоминает, где именно, он видел «старого троцкиста» Лившица, сидящего сейчас на скамье подсудимых.

— Не сразу узнал, глазам не поверил. Случалось его видеть и слышать. Видал я его на собраниях и слышал его гнилые слова. Досада и злоба берет, когда подумаешь, как этот человек мешал нашему наркому Лазарю Моисеевичу Кагановичу.

Он переводит глаза на другого злодея, в котором изменники и шпионы ценили «опытного транспортника»,—на Серебрякова. Затем долгим и ненавидящим взглядом котельный мастер Тараканов глядит на Князева, организатора крушения, которое стоило жизни многим красноармейцам. И если бы эти три «старых троцкиста», вредители и диверсанты, прокравшиеся на транспорт, увидели в это мгновение взгляд котельного мастера Петра Филипповича Тараканова, они бы прочитали в этом взгляде свой приговор.

Л. НАЗИМОВ.

Лион Фейхтвангер о первом дне процесса

Уже первый день судебного следствия показывает желание провести этот важный процесс спокойно, достойно и внушительно. Вина подсудимых уже сейчас представляется в значительной части доказанной. Однако в интересах окончательного установления истины, я надеюсь, что в ходе процесса будут вскрыты также мотивы, по которым обвиняемые делают свои подробные признания.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР.

Троцкистские мерзавцы убивали красноармейцев

Слушая на суде показания пойманных с поличным троцкистов — изменников родины, я думал: мы много говорим о бдительности, но еще не все мы научились во-время распознавать врага. Нам нужна такая бдительность, при которой были бы обречены на провал всяческие попытки врага.

Много раз мне приходилось читать статьи Радека. В этих статьях он клялся в своей верности партии, но за этими лицемерными заверениями он прятал свои ядовитые зубы. Слушая его показания, мне было противно до тошноты: как низко пал человек, как хитер и коварен этот верный агент фашизма.

Когда давал показания Лившиц, мне *вспоминалось время работы* Лившица на Северо-Кавказской *железной* дороге, начальником которой он был одно время. Какая гадина! Он по заданиям фашистской агентуры организовывал крушения воинских составов, убивал красноармейцев — наших дорогих сыновей и братьев.

Троцкисты—это продажное отродье. Они идут на все, движимые яростной ненавистью к нашему советскому народу.

Я вспоминаю старое правило машинистов: зорче смотреть по сторонам! Будем охранять наш транспорт, подвижные составы, депо, чтобы ни одна гадина не подкралась к ним! Будем развивать стахановское движение! Пусть крепнет наш социалистический транспорт—родной брат Красной Армии!

Что касается изменников, шпионов и диверсантов — разговор с ними короткий: самая суровая кара должна обрушиться на их головы. Я уверен, что суд это сделает.

Л. А. ГАЛКИН.

(Машинист дороги им. Ворошилова.)

И. ЛЕЖНЕВ

СМЕРДЯКОВЫ

Перед Верховным судом предстали «герои» троцкистского центра во всей своей омерзительной наготе. С затаенных врагов, изменников родины, втихомолку совершавших свое гнусное дело, сорваны маски. И *вот они проходят перед нами* — вредители, шпионы, диверсанты, террористы, прелюбодеи чести, торговавшие в розницу драгоценным телом нашей страны, готовые растерзать ее на куски и бросить под ноги хищным псам фашизма.

К одной цели стремилась эта банда: понадежнее заковать свободный советский народ в капиталистические цепи, отнять у рабочих фабрики и заводы, распустить *колхозы, лишить крестьян земли, в клочья* разорвать Конституцию, надеть ярмо на народ, поскорее взобраться ему на шею и командовать им.

Не было той цены, которая бы казалась этим фашистским бандитам слишком дорогой для достижения столь «заветной» цели. Террором, злодейскими убийствами из-за угла они хотели обезглавить народ, уничтожить его вождей, расчленить на части *его территорию,* Германии отдать Украину, японским империалистам — Приморье, Приамурье, вручить иностранным агрессорам ключи от естественных богатств Советского Союза — железной руды, марганца, нефти, золота, леса, апатитов, вообще ублаготворить аппетиты хищников, потчевать их советским хлебом и маслом.

И не было тех средств, которыми бы эти ползучие гады брезгали. Для закабаления народа им казались все средства хороши. Поджигатели войны, они всеми доступными им способами ускоряли кровавую бойню, какой еще не знал мир. За границей Троцкий вступает в сделку с помощником Гитлера по фашистской партии Гессом, *и оба строят* планы раздела и грабежа Советского Союза. А здесь, в нашем советском доме, притаились другие изменники родины, которые на действительно высоких постах советской дипломатии, промышленности, транспорта, печати,— на постах, вверенных им нашей партией и правительством, *несли свою предательскую* службу для тех же иностранных генштабов и разведывательных органов, что и Троцкий. Официальные представители советской власти, они были на самом деле неофициальными чиновниками чужеземной *фашистской власти.*

Вся эта мразь выискивала места почувствительнее, чтобы ужалить побольнее. Троцкисты организовывали покушения на жизнь руководителей большевистской партии и советского правительства. Они устраивали крушения воинских поездов, *поджоги и взрывы шахт и заводов.* На их руках — близкая нам кровь, на их совести — не мало человеческих жертв.

Массовые убийства и чуму несли народу эти человекоподобные скоты. «Даже лучше, если будут жертвы», — заявил один из этой шайки, уголовный бандит Дробнис.

А Пятаков в декабре 1935 года, используя свою служебную командировку за границу, встречается в укромном местечке, неподалеку от норвежской столицы Осло, с Троцким, и через девять месяцев, в августе 1936 года, во время суда над троцкистско-зиновьевским контрреволюционным блоком, выступает со статьей, в которой пишет:

«*Заявление* Троцкого в норвежской газете насчет необоснованности обвинений против него является актом беспримерной наглости и лживости опустившегося на дно авантюриста...»

Уж Пятакову доподлинно было известно, что обвинение обоснованно. Он это знал из первых рук. Могли бы удивить только непочтительные выражения по адресу шефа, если бы эта непочтительность не входила *«в состав игры»* и не имела своей задачей спасти «общее дело» и собственную шкуру Пятакова. В тех же целях он клеймит своих соратников на скамье подсудимых самыми крепкими словами, клянется в своей чистоте, припадает иудиным поцелуем к руководителям партии и правительства.

«Вся эта подлая контрреволюционная деятельность, — подтверждал Пятаков,— *окутана невыносимыми, смрадными* клубами лжи, двурушничества, обмана всех и каждого. Надо дойти до самых низин человеческого падения, надо пасть ниже Азефа и Малиновского, чтобы создать эту отвратительную систему непрерывной чудовищ*ной лжи и провокации.*

Мне нестерпимо стыдно вспомнить о том, что и я в 1925—1927 годах шел вместе с этими бандитами. Я ошибался, ошибался тяжело... И когда я понял, что мой путь— это путь врага партии, я сошел с него резко и бесповоротно и с ощущением огромной радости пошел по новому, правильному пути, по пути Сталина, по которому с тех пор твердо и радостно иду вместе со всей партией».

Дальше Пятаков писал о «прекрасной нашей Красной Армии», о «гнусной, интриганской пораженческой возне этой ничтожной группки изменников», которой «было наплевать даже на оборону страны». Но чаша пятаковского терпения *переполнена, и он восклицает:*

«Нехватает слов, чтобы полностью выразить свое негодование и омерзение. Это люди, потерявшие последние черты человеческого облика. Их надо уничтожать, уничтожать, как падаль, заражающую чистый, бодрый воздух советской страны... Враг наш в стране *побеждающего* социализма увертлив. Он приспосабливается к обстановке. Притворяется. Лжет. Заметает свои следы. Втирается в доверие... Это — агентура, стремящаяся проникнуть в наши ряды и наносить свои подлые удары исподтишка...

Хорошо, что органы НКВД разоблачили эту банду. Хорошо, что ее можно уничтожить. Честь и слава работникам НКВД...»

Все это писалось в расчете на простоватость НКВД и в надежде замести следы. Не удалось!..

Не удалось, несмотря на то, что Пятаков сделал нечто большее, чем простое проливание чернил и крокодиловых слез в упомянутой статье. Он совершил шаг, который по своей провокаторской изощренности действительно превосходит фантазию Азефа и Малиновского. Устно он высказывал свою готовность выступить обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского контрреволюционного центра или в крайнем случае—исполнителем приговора. Собственной рукой хотел он расстрелять своих единомышленников и друзей — Зиновьева, Каменева и других участников банды, с которыми он по сути дела уже тогда, в августе прошлого года, должен был делить скамью подсудимых. Готов был расстрелять их, потому что хотел отомстить людям, назвавшим участников «параллельного центра».

Чем больше знакомишься с этими фактами, тем *больше овладевает чувство* гадливости, тошнота нравственная, переходящая в физическую, о которой писал Лев Толстой в «Воскресении».

Невольно вспоминается образ Смердякова из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Побочный сын старика Карамазова и Лизаветы Смердящей, «существо злобно-завистливое, озлобленное», эпилептик с лицом скопца, нравственный урод, с ду*шою изощренного провокатора,* — он убивает своего отца. И взгляды Смердякова на родину, и моральный его облик, и мастерство маскировки во многом напоминают нынешних подсудимых.

«Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна, — говорит он. — ...В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда *покорили эти* самые французы. Умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Войдя во вкус, лакей Смердяков прибавляет:

«Русский народ надо пороть-с...»

Разве далеко от этого ушел Троцкий, который в своем грязном листке, издающемся в Париже, пишет:

«Границы СССР... не имеют даже национального оправдания. Украинский народ,— чтоб взять один из многих примеров,— разрезан государственной границей пополам...»

Повидимому, единственно в целях «национального оправдания» Троцкий и решил «уступить» Германии Советскую Украину, о чем договорился с Гессом. Ежели украинский народ «разрезан государственной границей пополам», то стоит ли, мол, нам держаться какой-то там презренной половинки: уступим им, — тогда у «умной нации» будет целая Украина.

Чтобы вернее совершить убийство старика Карамазова и ограбить его, Смердяков инсценировал припадок эпилепсии, а потом *рассказывает об этом среднему брату* Ивану:

«—...Я упал тогда в погреб-с...

— В падучей или притворился?

— Понятно, что притворился-с. Во всем притворился. С лестницы спокойно сошел-с, в самый низ-с, и спокойно лег-с, а как лег, тут и завопил. И бился, пока вынесли».

Потом Смердяков рассказывает, как он убил старика, забрал деньги и, чтобы утаить улику, бросил на пол пакет, в который были завернуты деньги, и розовую ленточку подле, а впоследствии намеком навел прокурора на ложный след.

На изумленный вопрос Ивана, неужели же все на месте было тогда придумано, Смердяков отвечает:

«— Помилосердствуйте, да можно ли это все выдумать в таких попыхах-с? Заранее все обдумано было».

Еще до убийства Смердяков намеками рассказывал о своих планах Ивану. И когда Иван его спрашивает: «...притворяться что ли ты хочешь завтра на три дня в падучей? а?»—Смердяков отвечает:

«— Если бы я даже эту самую штуку и мог-с, то-есть чтобы **притвориться-с**, и так как ее сделать **совсем не трудно опытному человеку**, то и тут я в полном праве моем это средство употребить для спасения жизни моей от смерти...» (Подчеркнуто мною. — **И. Л.**).

Эта последняя реплика Смердякова прямо относится к маневрам Пятакова во время суда над троцкистско-зиновьевской контрреволюционной бандой в августе прошлого года. Разве цитированная выше его статья и особенно высказанная им готовность выступить в роли обвинителя или исполнителя приговора, не представляют собой типично смердяковского, нарочито разыгранного припадка «падучей»?

Такую же статью в те дни писал и Радек. Он обзывал Троцкого в этой статье фашистским обер-бандитом, гетманом фашистской банды. И еще писал он о Троцком:

«Кровавый шут, мелкобуржуазный когда-то революционер, позже мелкобуржуазный контрреволюционер, теперь злобный фашист, плохие шутки шутит».

Так же, как Пятаков, *он клянет* «систему лжи и обмана, систему двурушничества, какой не знает история человечества», клянется в собственной своей преданности партии и делу рабочего класса и требует: «Уничтожьте эту гадину». Так же, как Смердяков, он бросает на пол пу*стой пакет и розовую ленточку подле,* чтобы утаить улики и навести следствие на ложный след. Он рассказывает о себе, что даже в ту пору, когда «находился в плену троцкизма» и был задуман побег за границу для создания там центра, он благородно отказался от этого и «саботировал попытку побега». Чем не верная душа?

В отличие от Пятакова Радек, журналист по профессии, писал в газетах, журналах *изо дня в день. Изо дня в день,* в течение долгих лет, он распинался в своей верности партии и советской власти, изощрялся в патетике блудословия.

Как, должно быть, хихикал в кулак этот иезуит, этот плюгавенький хлыщ с театрально-деланной внешностью а-ля Онегин, когда пускал в ход свою словесную пиротехнику и браво фехтовал на газетной сцене бутафорским картонным мечом!

Гнусная, проституированная душонка, заплеванная и загаженная отбросами империалистских кухонь, пропитанная вонью дипломатических кулис, — эта кокотка мужского пола имела еще наглость поучать советских журналистов и писателей высокой морали и классовой выдержанности. Сколько миллионов фальшивых слов изрек этот суб'ект, сколько раз изобличал продажных буржуазных журналистов! Сколько фальшивых славословий позволял себе этот предатель — гнуснейший из гнусных — и припадал поцелуем своих растрепанных губ гулящей девки. Не успевали просохнуть на его статьях чернила, как Радек бегал на дипломатические приемы в *иностранные посольства* и нес там вторую, всамделишную службу у империалистских господ, шушукался, как бы вернее погубить ту самую социалистическую демократию, которую он за час до того восхвалял.

И если — потрясенный всем этим — вы в изумлении останавливаетесь и спрашиваете себя, как возможно такое двуличие, как возможна такая глубина нравственного падения, то Достоевский устами Смердякова отвечает вам:

«— Притвориться-с... совсем не трудно опытному человеку».

У Радека ли не было опыта!

(Окончание см. на 7-й стр.)

БУРЯ НАРОДНОГО ГНЕВА

Жалкая кучка продажных бандитов

(Резолюция рабочих, инженерно-технических работников и служащих фабрики «Красный текстильщик», г. Серпухов)

Мы глубоко возмущены контрреволюционной деятельностью антисоветского троцкистского центра. Презренная кучка прислужников фашизма, руководимая слугой Гестапо — бандитом Троцким, надеялась подорвать военную и хозяйственную мощь великой страны социализма. Троцкисты пытались облегчить замыслы фашистов в захвате СССР и восстановлении капитализма.

Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и другие хотели вернуть в нашей стране власть кучки эксплоататоров, вернуть безработицу, власть голода, нищету и бесправие. Они мечтали об осуществлении в СССР фашистских порядков. Эта горстка негодяев, изолированная от масс, ослепленная звериной ненавистью против большевистской партии и советской власти, целиком перешла на службу озверелого фашизма.

Но враги просчитались и на этот раз. Их диверсионная вредительская работа не может подорвать растущую мощь социалистической родины. Вся их деятельность вызывает только ненависть и презрение всего советского народа. Они и на минуту не остановят поступательного движения социализма. Враги обречены на уничтожение.

Мы требуем от пролетарского суда: беспощадно раздавить троцкистскую гадину!

ГОЛОС РАБОЧИХ АВТОЗАВОДА им. СТАЛИНА

45-тысячный коллектив рабочих, инженеров и служащих московского автозавода им. Сталина охвачен негодованием. В бригадах, пролетах — всюду говорят о неслыханных преступлениях кучки мерзавцев, пытавшихся нарушить мирный труд миллионов тружеников страны социализма.

Выступления рабочих и работниц полны гнева и ненависти к врагам народа.

Мастер кузовного цеха Грудев говорит:

— Этой сволочи — Пятакову, Радеку и другим—не должно быть ни малейшей пощады. Наш пролетарский суд должен вынести этой нечисти такой же твердый и решительный приговор, как и Зиновьеву, Каменеву и др. Такой же приговор будет вынесен каждому, кто попытается поднять руку на наших любимых вождей, на нашу любимую родину!

Токарь-стахановец механо-сборочного цеха № 1 тов. Емельянов заявил:

— Мое предложение будет одно: беспощадно расправиться с троцкистскими гадами. Под руководством любимого всеми народами товарища Сталина мы будем еще бдительнее.

Работница отделения механики тов. Колосова сказала:

— У каждого честного гражданина Советского Союза закипит возмущение этими негодяями, приказчиками Троцкого и иностранных капиталистов.

Многотысячный коллектив автозавода им. Сталина теснее сплачивает ряды и будет неотступно бороться за дело Ленина—Сталина, беспощадно сметая со своего пути всех врагов.

Изменники

К убийцам, к предателям нашей страны,
К чудовищным их преступленьям
Мы гневом священным до края полны,
А больше всего — омерзеньем.

Их совесть изъедена, их сердце гниет,
Их речи презренны и подлы!
При виде лакеев фашистских господ
Пред нами во всей наготе предстает
Картина предательской славы.

. . . .

Иудушка-Троцкий стоит у стола,
Козлиной тряся бородою.
Он весь изогнулся. Судьба тяжела
И время чревато бедою.

Стоит у стола матерой негодяй.
Эх, власти ему бы немножко!
Он выкрикнул «гайль!»,
　　　　сюсюкнул «банзай!»,
Почтительно шаркнувши ножкой.

Пред ним генералы спесиво сидят.
На стенке — огромная карта.
Сидят генералы,
　　　　и алчен их взгляд
И много в их слове азарта.

Сидят генералы и в карту мечом
Весьма добросовестно тычут:
— Почем Украина? Приморье почем?
Проценты? Концессии? Вычет?

Почем белорусская сытная снедь?
Чукотка? Карелия? Кичкас?
Бакинская нефть? Карабашская медь?
А уголь? А лес? А пшеничка? —

Кивает, хихикнув, Иудушка-шут,
Мотаясь тщедушненьким тельцем:
— Колхозов не будет. Заводы вернут
Их бывшим давнишним владельцам.
Я буду в стране на вождей натравлять
Своих террористов ораву,
Я буду шпионить, взрывать, убивать, —
Уж я постараюсь на славу!

Народ усмиривши огнем и мечом,
За вами мы кинемся в войны.
Почем Украина? Приморье почем?
Недорого! Будьте спокойны! —

Но долго над списком чужого добра
Торгуется шут пустяковый
За Серебряковский кусок серебра,
За стертый пятак Пятакову.

. . . .

Понятно, что всех продает без стыда
Убийца,
　　вредитель,
　　　　изменник.
Но вам, генералы,
　　но вам, господа,
Не жалко ли траченных денег?

Напрасен ваш торг, — до предела
　　　　смешной,—
С оравой людишек пропащих.
Не худо бы вам о цене покупной
Хозяев спросить, —
　　　　настоящих!

Попробуйте, сунтесь к нам
　　　　рылом свиным;
Мы с вами о ценах поспорим
И тут же
　　советским оружьем стальным
Весьма добросовестно вам раз'ясним,
Почем
　　Украина с Приморьем!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ.

НИКАКОЙ ПОЩАДЫ ПРЕДАТЕЛЯМ РОДИНЫ!

(Колхоз «Память Ильича», Мытищенский район, Московской области)

Шло очередное занятие кружка агротехники.

Стахановские звенья колхоза «Память Ильича», Мытищенского района, внимательно слушали агронома, рассказывавшего о жизни растений. Мудреные слова постепенно наполнялись знакомым, материально ощутимым содержанием. Слушатели проникали в сокровенные тайны живых организмов, и от этого каждый начинал чувствовать, что становится на голову выше. Хотелось творить что-то такое, от чего жизнь сделалась бы еще краше, еще ярче, еще богаче.

— В этом году по 17 руб. 50 коп. на трудодень получили. В будущем—по 25 постараемся получить.

— А пока учиться, учиться...

Шел живой обмен мнений.

— Внимание! Внимание! Говорит Москва. Радиостанция имени Коминтерна...

Голос диктора неожиданно врывается в комнату. Разговоры молниеносно умолкают.

Диктор читает текст обвинительного заключения по делу контрреволюционного троцкистского центра.

Срываются с языка жгучие, клеймящие слова.

Они произносятся не громко, но в них столько ненависти к врагам народа, что их слышат, их чувствуют все.

— Ироды!

— Родину продать хотели! Жалкие прохвосты.

— Смерти вам мало...

Окончено чтение обвинительного заключения.

Говорят наперебой, спеша выразить свои чувства и мысли.

— С иностранными государствами снюхались. По кускам родину продавали. Какую же кару такую выдумать, чтоб по заслугам заплатить им?

— Колхозы распустить хотели. Не пройдет это. Не они за колхозы боролись, не они колхозы строили, и не придется им распускать наши колхозы.

— Они на кровь нашей хотели буржуев к нам привести. Рабочих в шахтах душили. Сыновей наших—красноармейцев под откос пускали. Расстрелять их надо всех до одного.

— Враг хитер. Я приведу простой пример. Все мы с вами огородным делом занимаемся. Знаете, небось, бывает—на капустный лист червь нападет. Незаметный такой червь. И цвет у него под лист подходящий. Не заметишь такого червя—сожрет капусту. Враги наши хитры, они тоже под цвет подделываются, чтоб не заметили. И вредят, вредят, вредят. Как с червяком поступаем? Изничтожаем его. И врагов этих, про которых мы сегодня слышали,—изничтожить надо. Стоять крепко вокруг Сталина, вокруг партии надо, тогда никакой враг не страшен будет...

Это говорит Клавдия Чибристова, и ее слова горячо поддерживаются всеми.

Г. ПЕВЗНЕР.

СМЕРДЯКОВЫ

(ОКОНЧАНИЕ)

В моем родном городе в довоенные годы был забулдыга-пьяница журналист, который корреспондировал одновременно и в левобуржуазные, и в кадетские, и в черносотенные газеты. Когда его спрашивали, как это возможно, он заплетающимся пьяным языком отвечал:

— В кадетскую «Речь» я пишу для денег... Надо выпить-закусить и детишкам на молочишко. А в «Русское знамя» и «Земщину» — для души...

Но и в наше время еще не вся смердяковщина выведена. Ютится она по грязным закоулкам и щелям. Нет сомнения, что наша советская общественность и новый руководитель Наркомвнудела тов. Ежов вытащат ее оттуда за ноги.

Другой «образец» смердяковского совместительства — Сокольников. Партия и страна ему доверили ответственнейший дальневосточный участок нашей дипломатической работы, посадили на пост заместителя наркоминдела. Сокольников от имени советского правительства ведет переговоры с представителем соседней державы, формулирует точку зрения СССР по важнейшим государственным вопросам, а когда официальная часть беседы закончена и переводчики выходят из кабинета, — Сокольников переходит к неофициальной части и, гостеприимно провожая иностранца к дверям, ведет уже иные переговоры, «для души», по поручению Троцкого, которому действительно служит верой и правдой.

Наряду со Смердяковым тут вспоминается другой образ классической литературы, лицемер Тартюф, выведенный великим французским сатириком Мольером. Тартюф втерся в доверие к своему покровителю Оргону и убеждает его жену Эльмиру отдаться ему. Он говорит:

«...Совесть — вещь условная: порою
Дурной поступок ладит с ней вполне,—
Лишь ловкость тут нужна, я этого не скрою...
...Итак, откиньте прочь
Сомненье и страх. Рассудите спокойно.
Мы здесь одни, а зло, по мненью всех,
Тогда зовется злом, когда творится явно:
Открыто действовать неловко и бесславно,
А втихомолку грех — совсем не грех...»

Сановные агенты фашизма, не хуже Тартюфа, втерлись в доверие и втихомолку обделывали здесь свои изменнические делишки. В течение долгих лет они так привыкли к приспособлению и маскировке, что это стало их второй натурой.

Уместно вспомнить напечатанную в феврале 1922 года в «Экономической жизни» беседу с Сокольниковым, бывшим тогда замнаркомфином.

«Нужно, — говорил Сокольников, — развить систему смешанных акционерных обществ, превратив тресты из чисто государственных учреждений в частно-хозяйственные предприятия, работающие при участии иностранных капиталов...»

Уже в этом высказывании Сокольникова, 15 лет назад, мы находим в зародыше программу реставрации капитализма, программу закабаления СССР иностранному капиталу. На XIV партийном с'езде, в конце 1925 года, Сокольников выступил с планом дауэсизации нашей страны. Он явился первым виновником дефицита в области валюты. Именно он провел закупку за границей готовых предметов на несколько десятков миллионов рублей, на сумму, вдвое превышающую ту, которая была затрачена на ввоз оборудования. Он явился автором так называемой золотой интервенции, на которой Союз потерял несколько миллионов золота. Обо всех этих горьких истинах напомнили Сокольникову на дискуссии в Комакадемии в 1926 году.

Не один Сокольников, но и все троцкисты, в первую очередь Пятаков, Радек, Серебряков и Муралов, в течение долгих лет вели борьбу против партии, причиняли вред стране и народу, проповедывали потухающую кривую развития народного хозяйства, раболепно преклонялись перед капитализмом и вовсе не верили в силы рабочего класса. Их лозунгом были слова Троцкого на пленуме ЦК партии в 1927 году: «Мировому рынку мы подчинены, от мирового рынка мы оторваться не можем. С мировым рынком мы связаны всем прошлым, и мировому рынку, прежде всего в смысле его контроля над темпом нашего развития, мы подчинены».

Эта карта оказалась битой. Хваленый мировой рынок вступил в длительный, четырехлетний кризис, а темпы нашего развития были и продолжают быть сказочно огромными. Ни один из прогнозов Троцкого не оправдался. Осталась изолированная ничтожная кучка интриганов, не имеющих никаких корней в народе, осталось дикое озлобление политических авантюристов, растущее, чем дальше, тем все больше.

На пораженческих позициях Троцкий и его банда стояли еще в 1927 году, в момент нависшей над страной военной угрозы. Со свойственным Троцкому пустозвонным фразерством он выдвинул «тезис Клемансо». Главарь бандитской шайки Троцкий заявил тогда, что, подобно французскому буржуазному политику Клемансо, он не остановится в борьбе с руководством партии даже в том случае, если враг будет стоять в нескольких десятках километров от столицы.

С тех пор прошло десять лет. Выдвинутый тогда «тезис Клемансо» превратился в конкретный сговор с заместителем Гитлера Гессом, в прямую измену родине. Подпольная типография троцкистов, их связь с буржуазными интеллигентами и контрреволюционерами, попытки устроить уличную демонстрацию 7 ноября 1927 года, публикация секретных сведений за границей в грязном листке Маслова и прочие «доблести» тускнеют, отступают на задний план перед лицом новых тягчайших преступлений той же банды. Опустошенные авантюристы логикой борьбы доведены до нынешнего позорного предела.

Сейчас на скамье подсудимых—выродки фашизма, предатели, изменники родины, вредители, шпионы, диверсанты — самые злые и коварные враги народа. Они предстали перед судом во всей своей омерзительной наготе, и мы увидели новое издание Смердяковых, воплощенный в плоть и кровь отвратительный образ. Смердяковы наших дней вызывают смешанное чувство негодования и гадливости. Это не только идеологи реставрации капитализма, это—моральное обличье фашиствующей буржуазии, продукт ее старческого маразма, сумасшедшего беснования и гниения заживо.

Интервью генерала Терауци

ТОКИО, 23 января. (ТАСС). Поздно вечером опубликовано интервью японского военного министра Терауци, данное им представителю агентства Домей Цусин. Как явствует из его заявления, Терауци подал индивидуально в отставку еще до отставки всего кабинета, вынудив таким образом правительство Хирота последовать его примеру.

В самом начале беседы Терауци указал: «Я выполнил надлежащие формальности и заявил трону о своем намерении подать в отставку еще 22 января». Он пояснил далее, что отставка его вызвана «расхождением взглядов с политическими партиями по вопросам внешнего политического положения». Отставка, добавил Терауци, не является результатом речи депутата Хамада, а продиктована

«глубоким убеждением, что оценка нынешнего чрезвычайного периода политическими партиями весьма расходится со взглядами военных кругов. Я убежден, что в таких условиях не могу обеспечить военную дисциплину, добиться укрепления государственной обороны, провести обновление администрации и выполнить другие важные задачи. Поэтому я подал в отставку».

Заявление военного министерства

ТОКИО, 24 января. (ТАСС). Вслед за интервью Терауци военное министерство в ночь на 24 января опубликовало заявление, дополняющее это интервью. Как передает агентство Домей Цусин, в заявлении указывается: «Совершенно ясно, что если мы будем довольствоваться сегодняшним статус-кво (существующее положение) перед лицом нынешнего международного положения, то влияние империи изо дня в день будет падать, и мы окажемся в величайшем бедствии». Заявление подчеркивает необходимость «не только реализовать разработанную армией программу государственной обороны, но также осуществлять обновление всей администрации».

Для осуществления своих целей военное министерство считает «срочно необходимым принять меры к углублению» японской конституции и ввести «сильную администрацию». Далее военное министерство выступает против позиции политических партий, заявляя, что они не понимают нынешнего положения, так как стремятся к обеспечению своих партийных интересов и к «консервативному сохранению статус-кво». «В этих условиях,— заканчивает военное министерство свое заявление, поясняя отставку Терауци,— мы считали, что единственным путем спасти положение является освободить себя от консерватизма, отклонить паллиативные компромиссы и осуществить всеобщее обновление политического мира с целью развития воли страны».

Как заявление военного министерства, так и интервью Терауци, по мнению политических кругов, приобретают особо большое значение в связи с императорским указом, изданным летом 1936 г., согласно которому посты военного и морского министров могут занимать лишь генералы, генерал-лейтенанты, адмиралы и вице-адмиралы действительной службы. Таким образом, военные власти имеют возможность предотвратить образование неприемлемого для них кабинета путем отказа дать в него своего представителя.

КАМПАНИЯ ПРОТИВ ВАН ЦЗИН-ВЕЯ В ШАНХАЕ

ШАНХАЙ, 23 января. (ТАСС). Японская печать сообщает, что шанхайская ассоциация национального спасения начала кампанию против Ван Цзин-вея. Листовки, распространяемые ассоциацией по городу, по сообщению газеты «Шанхай ивнинг пост», характеризуют Ван Цзин-вея как изменника за его прояпонские тенденции.

Положение в Суйюани

ШАНХАЙ, 22 января. (ТАСС). Как сообщает газета «Либао», из Калгана (провинция Чахар) в Суйюань отправлено 30 японских агентов с заданием прервать сообщение между провинциями Шаньси и Суйюань для того, чтобы облегчить вторжение японцев в Суйюань. По сведениям газет, в восточной части провинции Суйюань за последние дни возобновились мелкие стычки между манчжуро-монгольскими войсками и китайскими войсками.

ГЕРМАНО-ЯПОНСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

ТОКИО, 23 января. (ТАСС). Газета «Осака майници» сообщает, что в ознаменование заключения германо-японского соглашения командир 4-й дивизии генерал-лейтенант Имаи 20 января устроил в Осака банкет для германских резидентов, находящихся в Осака и Кобэ. На банкете присутствовали германский генеральный консул в Осака Вагнер, вице-консул в Кобэ Хопс, профессор Шпренгер и др.

ПРИБЫТИЕ ТТ. ШТЕЙНА И МАЙСКОГО В ЖЕНЕВУ

ЖЕНЕВА, 24 января. (ТАСС). Вчера ночью прибыл в Женеву для участия в работах комиссии по вопросам финансового контроля при Лиге наций полпред СССР в Риме тов. Штейн.

Сегодня утром прибыл полпред СССР в Лондоне тов. Майский.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ОТКЛИКИ НА ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Англия

(По телефону от лондонского корреспондента «Правды»)

ЛОНДОН, 24 января. Печать продолжает публиковать обширные сообщения своих московских корреспондентов о начавшемся процессе троцкистских шпионов террористического «параллельного центра»—Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и других.

В большой статье «Троцкизм» Джон Стречи («Дейли уоркер») пишет:

«Процесс Радека, Пятакова и Сокольникова будет, несомненно, использован английскими реакционерами, как повод для новых выпадов против Советского Союза. Однако каждый честный рабочий будет приветствовать меры, принятые советским правительством для того, чтобы защитить рабочее движение от троцкистских террористов и разбойничьих агентов фашизма. Вся их деятельность была направлена к тому, чтобы принести бедствия Советскому Союзу и делу рабочего класса. Подлое убийство Кирова доказало это. Совершенно очевидна необходимость предания террористов суду, чтобы покончить с их деятельностью.

Враги Советского Союза будут, конечно, пытаться создать у рабочих неверное представление о процессе. Но пусть каждый вспомнит о том, что эти люди пытались убить вождей Советского Союза, а одного из них убили, что они действуют в теснейшем сообщничестве с германским фашизмом».

«Во всем мире, — продолжает Джон Стречи, — троцкисты действуют в тесном контакте с фашистами и полицией. Это страшный, но неопровержимый факт. Во Франции троцкисты тесно связаны с полицейскими властями. Недавно чехословацкая газета «Лидове новины» опубликовала чрезвычайно подробный отчет о тесных отношениях виднейших троцкистов Чехословакии с агентами германского фашизма...

Рабочие должны знать о той роли, которую Троцкий и троцкисты играют сейчас во всем мире и почему они должны быть изгнаны из рабочего движения».

И. Ермашов.

США

НЬЮ-ЙОРК, 24 января. (Соб. корр. «Правды»). Американская печать уделяет много места процессу антисоветского троцкистского центра, начавшемуся в Москве. Газеты публикуют обширные выдержки из обвинительного заключения и показаний Пятакова и Радека. Почти все газеты подчеркивают в заголовках, что процесс раскрыл наличие договора, в силу которого троцкисты обязывались оказывать помощь Японии в случае войны.

Печать Херста, конечно, не упускает случая и выступает с очередными клеветническими выпадами по адресу СССР. Широкая публика, однако, относится скептически к буржуазным, а особенно к херстовским комментаторам.

Среди рабочих царит сильнейшее возмущение против троцкистских изменников.

М. Ольгин.

Растерянность фашистской печати

(По телефону от берлинского корреспондента «Правды»)

БЕРЛИН, 24 января. Фашистские газеты вышли сегодня с отчетами о первом дне процесса антисоветского троцкистского центра. Фашистская печать явно растеряна перед лицом подавляющего обвинительного материала и неопровержимых доказательств, изобличающих тесные связи бандита Троцкого и троцкистских шпионов и вредителей с фашистскими разведками, их изменническую, подлую деятельность в пользу некоторых иностранных государств. Фашистские газеты пытаются скрыть свою растерянность под «ядовитыми» заголовками. И характерно, что они берут под защиту обвиняемых, подчеркивая их прошлые «заслуги» перед Советским Союзом.

Однако Германское информационное бюро и корреспондент «Дейче альгемейне цейтунг» в части своих отчетов, касающейся договора между Троцким и Гессом, ссылаются на признания Пятакова о его полете в декабре 1935 года в Осло и разговоре с Троцким.

А. Климов.

Бойцы Мадрида клеймят презренных предателей

(По телеграфу от специального корреспондента «Правды»)

МАДРИД, 24 января. Сообщения мадридских газет о начале процесса антисоветского троцкистского центра вызвали в Мадриде большой интерес и волну возмущения против Троцкого и его банды.

На ряде фабрик, заводов и в казармах частей, расположенных в городе, рабочие и солдаты республиканской армии обсуждали воспроизведенную в «Мундо оберо» передовую статью «Правды» от 21 января — «Троцкистские шпионы, диверсанты, изменники родины». Эта же статья обсуждалась в окопах южного сектора обороны Мадрида. С гневом и презрением отзывались о предателях из параллельного центра бойцы коммунисты, социалисты, республиканцы и беспартийные. Особенно характерно замечание пулеметчика Хулио Гарсиа Гомеса, беспартийного рабочего:

— Я отлично понимаю, почему троцкистов судит военный суд. Ведь их предательство произошло на фронте борьбы с мировым фашизмом. Этот фронт тянется вдоль всей Европы от советской границы до наших окопов и дальше — в Америку, в Азию. В наших окопах предателей советского государства, пособников фашизма покарали бы не мягче, чем в Москве, да и всюду на свете, где только есть трудящиеся честные люди. Всюду нашелся бы суровый суд, который тяжело покарал бы за подрывную работу против Советского Союза, за черную измену отечеству всех трудящихся.

МИХ. КОЛЬЦОВ.

Свидетельские показания из Берлина

В самый день, когда начался суд над подлейшей троцкистской шайкой торговцев родиной, когда весь мир узнал о соглашении, заключенном Троцким с Гессом, германская фашистская печать поспешила привести свои «свидетельские показания». «Фелькишер беобахтер» и «Ангриф» выступили вчера со статьями на тему об отторжении Украины от Советского Союза.

Заявления фашистских газет прямо перекликаются с показаниями троцкистских бандитов на суде.

Пятаков рассказывал об организации на Украине контрреволюционных террористических и диверсионных групп. В переводе на язык «Ангрифа» это звучит так: «На Украине начинается сильное партизанское движение против советского владычества. Это движение беспрерывно продолжается в различных частях Украины... Скоро мы услышим об этом движении больше, чем это было бы приятно Кремлю».

«Фелькишер беобахтер», пытаясь идейно обосновать работу троцкистско-фашистской агентуры, заявляет: «На Украине ведется борьба за национальное освобождение против колониального использования страны Москвой». А Пятаков раз'ясняет на суде, как это национальное освобождение должно было осуществиться на практике. Создание гетманского правительства и вообще вся сделка о продаже Украины антисоветским троцкистским центром германским фашистам именовалась «непротиводействие украинским национально-буржуазным силам в случае их самоопределения».

Даже формулировки совпадают у Пятакова и «Фелькишер беобахтер»!

Тема о «восстаниях» на Украине вообще не сходит со столбцов фашистской печати. Фашисты с нетерпением ждут оплаты по векселям, которые Троцкий выдал Гессу. Троцкий, в свою очередь, по настоянию берлинских хозяев торопит своих агентов в СССР. Выступления фашистской печати являлись своего рода сигналом троцкистам, что нужно действовать скорее и с большей настойчивостью.

Эта преступная кампания поджигателей войны достигла апогея в дни нюренбергского с'езда. Сам «фюрер» об'явил в одной из своих многочисленных речей в Нюренберге: «Если бы Урал, с его неизмеримыми сырьевыми сокровищами, Сибирь, с ее дремучими лесами, и Украина, с ее необ'ятными посевными площадями, находились в Германии, то Германия под национал-социалистским руководством утопала бы в роскоши...» Яснее вряд ли можно выразиться. Это заявление целиком опирается на соглашение, заключенное Троцким с Гессом и подтвержденное Радеком в его беседах с соответствующими иностранными представителями.

«Я сказал г. К., — признает Радек в своих показаниях, — что ожидать уступок от нынешнего правительства — дело совершенно бесполезное и что... правительство может рассчитывать на уступки «реальных политиков в СССР», т. е. от блока, когда последний придет к власти».

Что соглашение Троцкого с Гессом и обещания Радека остались невыполненными,— об'ясняется отнюдь не недостатком усердия со стороны антисоветского троцкистского центра. Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков и прочие бандиты сделали все, что могли, чтобы помочь фашистским агрессорам развязать войну против нашей великой, прекрасной родины. Но эти «реальные политики», с которыми фашисты заключали соглашение, были жалкой и презренной кучкой шпионов и диверсантов, не имевших никаких корней в стране. Гесс заключил соглашение с банкротами. Троцкий не в состоянии платить по векселям.

Гессу и Троцкому ни Украины, ни других территорий Советского Союза не видать, как своих ушей. Украина однажды уже была оккупирована германскими войсками. Результаты этой оккупации известны. Тогда весь народ восстал против захватчиков, о чем свидетельствуют даже германские официальные документы того времени. Об этом всенародном восстании и о последовавшем позорном отступлении германских оккупантов не мешает напомнить редакторам «Фелькишер беобахтер» и «Ангрифа».

Советские рубежи неприступны для фашистских захватчиков. А подосланные и подкупленные ими троцкистские убийцы, шпионы и диверсанты будут безжалостно уничтожены.

К. КОНСТАНТИНОВ.

На фронтах в Испании

МАДРИДСКИЙ ФРОНТ

ПАРИЖ, 24 января. (ТАСС). Комитет обороны Мадрида опубликовал вчера, в 21 час 30 минут вечера по местному времени, следующее официальное сообщение:

«На центральном фронте в секторе Эскориала артиллерия мятежников бомбардировала позиции правительственных войск, не причинив им, однако, ущерба.

Республиканская авиация бомбардировала позиции мятежников в Пинто и Хетафе.

В южном секторе реки Тахо правительственная кавалерия производит разведку в окрестностях Талаверы. Батальон «Эль сосиалиста» отбросил яростную атаку мятежников.

На мадридском фронте артиллерия мятежников бомбардировала позиции республиканцев в Каза дель Кампо. Одновременно артиллерийскому обстрелу подверглись центральные пункты столицы. Точная стрельба правительственных батарей заставила артиллерию мятежников замолчать».

ЛОНДОН, 24 января. (ТАСС). По сообщениям печати, вчера Мадрид подвергся сильнейшему со времени осады артиллерийскому обстрелу, продолжавшемуся несколько часов.

Больше всего пострадал рабочий район Вальекас. Сильно повреждено здание телефонной станции. Снарядами повреждены провода, распределительный щит и несколько комнат.

Связь Мадрида с внешним миром была прервана на полчаса. В здании телефонной станции ранено 20 человек.

Согласно коммюнике, опубликованному в Мадриде, республиканские войска отразили сильную атаку мятежников в южном секторе мадридского фронта. В секторах Монклоа и Западного парка республиканские войска также дали отпор атакам мятежников и улучшили свои позиции путем контратаки.

ПАРИЖ, 24 января. (ТАСС). По сообщению агентства Гавас, в результате вчерашней бомбардировки Мадрида 5 человек убито и 37 ранено.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ

БИЛЬБАО, 23 января. (Спец. корр. ТАСС). 23 января на бискайском фронте республиканская артиллерия обстреляла позиции мятежников в районе Вильяреаль.

На участке Амуррио (южнее Бильбао) артиллерия мятежников открыла огонь по республиканским позициям, не причинив им, однако, никакого ущерба. На этом участке сегодня утром отчетливо была слышна ружейная и пулеметная стрельба в лагере мятежников. Полагают, что среди солдат местного фашистского гарнизона вспыхнуло восстание.

В районе Очандиано на сторону республиканцев перешли 3 солдата «Испанской фаланги» (фашистская организация полувоенного типа) и один командир из отряда «рекетистов» (организация монархической молодежи). Последний заявил, что в провинции Наварра за последний месяц мятежники расстреляли свыше тринадцати тысяч человек по обвинению в «нелойяльном отношении» к режиму Франко.

На астурийском фронте республиканская артиллерия обстреливала позиции мятежников в Овиедо. Снаряды разрывались в пунктах скопления крупных фашистских сил. От артиллерийского огня возникло много пожаров.

Артиллерия мятежников обстреливала позиции республиканцев в Оливарес и Эстебан де лас Крусес (к северо-западу от Овиедо).

Из Сан Себастиана передают, что военный губернатор мятежников в провинции Гипускоа отдал приказ, которым категорически запрещается обсуждение военных действий, происходящих как на суше, так и на море. Запрещается также комментировать или критиковать решения, принятые властями мятежников.

ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА НА АРАГОНСКОМ ФРОНТЕ

ПАРИЖ, 24 января. (Соб. корр. «Правды»). Агентство Испания публикует телеграмму из Барселоны, в которой передаются следующие интересные факты.

Три дезертира из лагеря фашистских мятежников перешли на сторону республиканцев на арагонском фронте. Они рассказали, что в последние дни в Сарагоссу прибыли крупные германские отряды. Германские солдаты расположены в вагонах на вокзале Лас Фелисиас, чтобы не обращать на себя слишком большого внимания городского населения. Германские солдаты одеты в испанскую форму и носят значки испанской фашистской «Фаланги».

Н. Майорский.

ДЕЛЕГАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ В МАДРИДЕ

ЛОНДОН, 24 января. (ТАСС). По сообщению агентства Рейтер, 8 английских профсоюзных деятелей посетили вчера начальника обороны Мадрида генерала Миаха. Они также побывали на фронте в Университетском городке.

ИСПАНСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ОБ'ЕДИНЯЕТСЯ

ВАЛЕНСИЯ, 23 января. (Спец. корр. ТАСС). Мадридская организация Об'единенной социалистической молодежи и мадридская организация анархистской молодежи выпустили совместное обращение.

«Мы обещаем,— заявляют обе организации в этом документе,— что об'единение испанской молодежи в скором будущем станет совершившимся фактом».

СОЛИДАРНОСТЬ С ИСПАНСКИМ НАРОДОМ

ЛОНДОН, 23 января. (ТАСС). По сообщению агентства Рейтер, шесть английских самолетов с грузом продовольствия, одежды и медикаментов вылетели в Мадрид. Самолеты куплены за счет сумм, собранных профсоюзами и частными лицами.

СТОКГОЛЬМ, 23 января. (ТАСС). Шведский комитет помощи республиканской Испании публикует воззвание о возобновлении денежных сборов в помощь испанскому народу и проведении специального дня помощи 7 февраля.

Швейцарские троцкисты предают испанский народ

ВЕНА, 22 января. (ТАСС). Орган швейцарской компартии «Фрейхейт» в статье под заголовком «Выстрел в спину борющегося испанского народа» разоблачает предательскую деятельность швейцарских троцкистов по отношению к испанскому народу.

Газета сообщает, что швейцарские троцкисты супруги Тальман совершили поездку в Барселону и по возвращении оттуда выступили в социал-демократической швейцарской газете «Фолькср ехт» с клеветнической статьей против испанского народа, правительства и компартии. В этой статье троцкистка Тальман договаривается до неслыханной наглости, утверждая, что испанское правительство будто бы сознательно создает в Каталонии продовольственные трудности.

По поводу этой неслыханной клеветы контрреволюционных троцкистов на испанский народ газета «Фрейхейт» пишет: «Эту статью Клары Тальман может полностью перепечатать «Нейе цюрхер цейтунг», целиком стоящая на стороне испанских фашистских мятежников. Эта статья, повидимому, написана для того, чтобы помочь швейцарским друзьям испанских фашистов».

Газета подчеркивает при этом, что, как утверждают все приезжающие из Барселоны лица, несмотря на трудности гражданской войны в Испании, не может быть никакой речи об остром недостатке продуктов в Барселоне.

На мадридском фронте. Бойцы правительственных войск Испании отражают атаку фашистских мятежников.

Фото из газеты «Нью-Йорк таймс».

ПЕРЕГОВОРЫ О САНДЖАКЕ АЛЕКСАНДРЕТТА

ЖЕНЕВА, 24 января. (ТАСС). Французская и турецкая делегации под председательством шведского представителя Сандлера и в присутствии Идена достигли принципиального соглашения по вопросу о санджаке Александретта.

Санджак остается в составе Сирии. Ему обеспечивается, однако, полная автономия под наблюдением Турции и Франции.

Эксперты обеих сторон сегодня вырабатывают соответствующий текст соглашения.

РИМ, 23 января. (ТАСС). В итальянских официальных кругах подтверждают, что итальянский министр иностранных дел Чиано встретится в ближайшее время с турецким министром иностранных дел Тефик Рюштю Арасом. Возвращаясь из Женевы, турецкий министр заедет в один из северных итальянских городов, где и произойдет встреча. Речь будет итти о характере итало-турецких отношений вообще и в частности о присоединении Италии к заключенному в Монтре соглашению о проливах.

Гитлеровская пропаганда в Латвии

РИГА, 23 января. (ТАСС). Газета «Яунакас зиняс» помещает статью Нордикуса о зарубежных немцах. Нордикус указывает, что немцы, находящиеся за границей, стремятся расширить свои права (кое-где они уже их расширили) и требуют предоставления им политической свободы и права создавать свои политические и хозяйственные организации.

Как конкретный пример активизации зарубежных немцев, Нордикус приводит деятельность Гердеровского института в Риге. По уставу — это учебное заведение. Однако руководители института стремятся придать его деятельности политический характер. В Гердеровском институте учатся студенты из других стран. Германская печать открыто признает, что институт превращен в учебное заведение для немецких меньшинств в Восточной Европе и что он будет служить «барьером против большевизма». Основные преподаватели Гердеровского института приглашены из Германии, германские же организации отпускают институту денежные средства.

БЕРЛИН, 23 января. (ТАСС). Латвийское правительство запретило распространение в Латвии вышедшего в декабре прошлого года специального антисоветского номера германского фашистского иллюстрированного журнала «Иллюстриртер беобахтер». Сегодня «Фелькишер беобахтер» нападает за это на латвийское правительство и в угрожающем тоне пишет, что этим запрещением «неприятно задето» не только издательство фашистской партии, но и фашистское движение в целом.

УПАДОК КУЛЬТУРЫ В ПОЛЬШЕ

ВАРШАВА, 23 января. (ТАСС). Вчера в бюджетной комиссии польского сейма обсуждался бюджет министерства просвещения. Министр просвещения Свентославский в своем выступлении следующим образом охарактеризовал положение школьного дела и науки в Польше:

«Что касается образования молодежи, а также всего того, что определяет развитие духовной и материальной культуры государства, то, к сожалению, приходится открыто признать, что опустошения, причиненные в этой области продолжительным кризисом, ничем не уступают опустошению, нанесенному самым грандиозным стихийным бедствием».

Свентославский указал, что, несмотря на значительный прирост молодежи школьного возраста, бюджет министерства просвещения в течение последних лет подвергался постоянным сокращениям. Ассигнования на строительство новых школ, составлявшие в докризисные годы 30—50 миллионов злотых в год, теперь сократились до 2—3 миллионов злотых в год. В настоящий момент, заявил Свентославский, в Польше нехватает 45 тысяч школ. По данным министра, в Польше миллион детей школьного возраста лишен возможности посещать школу.

Далее, Свентославский отметил безотрадное положение высших учебных заведений. Из числящихся в Польше 824 университетских кафедр 143 кафедры, т. е. 17 проц., остаются незанятыми за неимением средств на оплату профессоров.

Что касается положения науки в Польше вообще, то Свентославский сказал:

«Наши государственные и общественно-научные учреждения принуждены будут и в дальнейшем ограничивать свою деятельность из-за отсутствия необходимых средств. Они не в состоянии содержать ни достаточное количество научных работников, ни подготовлять новые кадры, ни поддерживать научные издательства».

Один миллиард злотых на военные нужды

ВАРШАВА, 23 января. (ТАСС). Польский совет министров принял вчера законопроект об ассигновании на четырехлетие 1937—1940 гг. 1 миллиарда злотых на оборону.

По заявлению директора департамента министерства финансов Раковского, эти средства будут взяты прежде всего из предоставленного Польше французского займа.

РУДОЛЬФ ГЕСС

Это было майским вечером 1921 года. В одной из мюнхенских пивных Гитлер выступает с очередным докладом, в котором громит Веймарскую республику, рисует заманчивую картину будущей «Третьей империи», которая покорит себе соседние страны. Среди массы посетителей пивной, слушающих речь Гитлера, выделяется элегантно одетый молодой человек. По окончании доклада он так неистово аплодирует, что раскланивающийся с публикой «фюрер» обращает на него свое благосклонное внимание. Через несколько минут молодого человека представляют Гитлеру.

С тех пор молодой человек—это был Рудольф Гесс—становится неизменным спутником Гитлера и помогает ему сколачивать фашистские кадры. В отличие от Геббельса и многих других фашистов, ставших вместе с Гитлером у кормила власти, Гесс ни разу не изменял Гитлеру и не плел против него интриг. Именно поэтому Гесс пользуется наибольшим доверием у Гитлера. Ему всегда давались деликатные и вместе с тем особо ответственные поручения.

Рудольф Гесс — сын крупного буржуа. Его отец, выходец из Баварии, руководит и поныне большим торговым предприятием в Александрии (Египет). С детских лет Гесс имел возможность наблюдать на примере деятельности своего отца, как следует завоевывать для немецкого фатерланда колониальные рынки. Отец предназначал Рудольфа, как старшего сына, в свои преемники и готовил его к коммерческой деятельности. Но, когда началась война, Гесс вступил добровольцем в баварскую пехоту, а затем стал военным летчиком.

Конец войны застает Гесса в Мюнхене. К этому времени относится начало его политической активности. Он принимает деятельное участие в разгроме Баварской советской республики в качестве начальника одного из карательных отрядов. Но Гесс хочет большего. Расстреливая в Мюнхене революционных рабочих, Гесс мечтает о «большой политической карьере». Гитлер дает ему первое задание — провести вербовку в штурмовые отряды среди учащейся молодежи. Гесс развертывает энергичную деятельность и вскоре получает первую официальную должность в фашистской партии — руководителя студенческих штурмовых сотен.

По делу о мюнхенском путче, организованном Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 г., Гесс был приговорен к полутора годам тюрьмы, из которых семь месяцев провел с Гитлером в тюрьме в Ландсберге, помогая ему писать фашистское евангелие—книгу «Моя борьба».

По выходе из тюрьмы Гесс записался ассистентом к профессору Гаусгоферу—основателю так называемой «геополитической школы», обосновывавшей империалистические планы Германии. Под руководством этого профессора Рудольф Гесс проходит полный «курс наук» о том, какие территории Германия должна захватить у других стран. Он обогащается также практическими знаниями по части подготовки германской агрессии в Европе, он изучает и об'екты будущего грабежа — Украину, прибалтийские, дунайские и балканские страны, а также некоторые территории в Африке и других частях света, которые «геополитическая школа» рассматривает как аграрно-сырьевые базы германского империализма. Здесь же Гесс знакомится с многочисленными агентами, рассылаемыми проф. Гаусгофером в разные страны для изучения будущих плацдармов германской агрессии. У Гесса родятся широкие планы создания фашистских организаций на иностранных территориях. Он добывает средства на организацию среди зарубежных немцев первых фашистских ячеек.

Как только Гитлера освобождают из тюрьмы, он снова привлекает к себе Гесса. Теперь он назначает его начальником своей личной канцелярии и одновременно руководителем «разведывательно-информационного отдела» фашистской партии. Приведение в исполнение смертных приговоров, выносимых тайным фашистским трибуналом своим противникам, также проходит через Гесса.

Эту свою кровавую деятельность Гесс сочетает с большой политической игрой. Он участвует во всех закулисных переговорах с магнатами промышленности и генералами рейхсвера, увенчавшихся 30 января 1933 г. открытым установлением фашистской диктатуры в Германии. Влияние Гесса начинает быстро расти. Гитлер поручает Гессу контроль над высшими звеньями аппарата партии, а после прихода к власти назначает его своим заместителем по руководству фашистской партией. Наконец, он же назначается министром без портфеля в фашистском правительстве.

Гесс принял деятельное участие в подготовке кровавой расправы 30 июня 1934 г. По свидетельству «Белой книги» о событиях 30 июня, Гитлер только двум лицам доверил тайну подготовлявшихся им расстрелов—Гессу и Герингу. Только их советами он руководствовался, составляя списки тех, кто подлежал устранению.

После 30 июня Гесс выполняет весьма своеобразные государственные функции. Он создает и возглавляет поныне особую разведывательную службу. Ему, как заместителю Гитлера по руководству фашистской партией, непосредственно подчинены все организации, созданные фашистами за границей. Он дает им политические директивы, к нему приезжают с докладами заграничные резиденты. Наиболее ответственные переговоры с иностранными агентами Гесс ведет лично.

Внутри страны Гесс, независимо от Гестапо, имеет свою агентуру, сигнализирующую ему о политических настроениях не только в фашистской партии и ее многочисленных организациях, но и во всех без исключения слоях общества и армии. Гесс, таким образом, является фашистским обер-разведчиком, который политически руководит всей деятельностью германской агентуры за рубежом.

Гесс — одна из самых мрачных фигур среди фашистов. Его неподвижный, застывший взгляд, весь его облик фанатика-изувера внушает отвращение всем, кому с ним приходится сталкиваться. В руководящих кругах фашистской партии он слывет под кличкой «Египтянин» (Гесс родился в Египте). «Наш мрачный египтянин способен на все», — говорят о Гессе сами фашисты.

С этим заместителем «фюрера» по руководству фашистской партией, обер-разведчиком Гессом вел переговоры и заключил преступное соглашение изменник родины главарь шайки Троцкий. Контрреволюционные бандиты были готовы распродать родину фашистам, превратить Советский Союз в аграрно-сырьевой придаток фашистской Германии в полном соответствии с планами германского капитализма, учениями «школы» Гаусгофера и шпионско-диверсионными заданиями Гесса. Они хотели накинуть петлю фашизма на трудящиеся массы Советского Союза. Но, как метко сказал товарищ Сталин, — «это от них не зависит».

К. ГОФМАН.

ШТОРМ НА ЧЕРНОМ МОРЕ

Несколько дней на Черном море бушует сильный шторм, сопровождающийся снежной метелью. В ночь на 22 января шторм достиг наибольшей силы — 10 баллов, а в районе Новороссийска перешел в ураган силой в 11—12 баллов. Снегопад, гололедица и ураган вызвали ряд аварий судов и нарушили обычный порядок жизни на берегу. В Керчи глубокие снежные сугробы отрезали от города металлургический завод и железный рудник. Эти предприятия вынуждены были работать с неполной нагрузкой. В Новороссийске ураганом повреждена телефонно-телеграфная связь, нарушено электроснабжение и разрушен железнодорожный путь на перегоне Новороссийск—Тоннельная.

Многие суда, стоявшие в портах или шедшие морем, получили повреждения. У южного берега Крыма погибло парусно-моторное судно «Затонский». Его экипаж из 7 человек спасен командой теплохода «Абхазия». У Восточной пристани в Новороссийске потерпели аварию пароходы «Эльбрус» и «Войков». Здесь же выброшена на берег большая угольная шаланда грузопод'емностью в тысячу тонн. Срывавшийся несколько раз с причалов греческий пароход «Дионисиос» спасен героическими усилиями работников Новороссийского порта.

* * *

Как сообщили сотруднику «Правды» в Народном комиссариате водного транспорта, шторм на Черном море, в районе Одессы, вчера вечером усилился. Из-за шторма танкер «Серго» не смог подойти к наскочившему 20 января на мель около Ланжерона танкеру «Аванесов» и перекачать имевшийся на нем керосин. Чтобы снять танкер «Аванесов» с мели, Черноморское пароходство распорядилось выкачивать с него груз керосина за борт. Одновременно пароходу «Тайфун», ледоколу «Торос» и танкеру «Серго» отдано распоряжение совместно отбуксировать «Аванесова».

СОРЕВНОВАНИЯ КОНЬКОБЕЖЦЕВ

На стадионе Юных пионеров вчера продолжались соревнования конькобежцев, участвующих в розыгрыше первенства столицы. Сильный мороз отразился на результатах соревнований.

Женский забег на 1.000 метров выиграла Миронова, пробежавшая дистанцию за 1 минуту 54,3 секунды. Динамовка Ларионова, занявшая второе место, отстала от Мироновой на 1,7 секунды.

Большой интерес представлял бег мастеров и перворазрядников на 1.500 метров. Отличился рекордсмен СССР красноармеец Иван Аниканов. Несмотря на сильный мороз (при холоде конькобежцам тяжело дышать), Аниканов пробежал 1.500 метров за 2 минуты 28,4 секунды—результат для такой погоды исключительный. Вторым был Капчинский, третьим—Люскин.

Мороз помешал вчера закончить соревнования. Бег на 10.000 метров для мужчин и на 5.000 метров для женщин и юношей перенесен на 30 января.

ВЫСТУПЛЕНИЕ тов. КЕРЖЕНЦЕВА НА КИНОСОВЕЩАНИИ

Вчера на всесоюзном производственном совещании по плану художественной кинематографии выступил председатель Всесоюзного комитета по делам искусств тов. П. М. Керженцев. Он выдвинул перед работниками кинематографии ряд задач: больше и лучше показывать в фильмах руководящую роль партии в жизни нашей страны, усилить выпуск оборонных фильмов, выпустить цветные полнометражные игровые фильмы, комедии, кинооперы.

Тов. Керженцев указал на необходимость более интенсивно готовить кадры и шире использовать в кино театральных актеров не только Москвы, но и лучших крупных театров периферии.

САМОЛЕТЫ ЛЕТЯТ НА ХАТАНГУ

Для снабжения населения Авамской тундры и Хатангского района, Таймырского национального округа, летом прошлого года из Архангельска был послан с грузом пароход «Ока». Тяжелые льды не дали возможности пароходу пробиться к устью реки Хатанги.

Как только установился санный путь с основных баз на Хатангу и в Авамскую тундру, было послано несколько сот тонн различных грузов: муки, сухарей, сахара, чая, масла, табака, керосина, охотничьих припасов, обуви, одежды.

В ближайшие дни перевозку грузов начнут и самолеты полярной авиации. Они должны перебросить в районные центры свыше ста тонн различных продуктов. Грузы сейчас находятся в Дудинке и Игарке. Для перевозки их выделено 4 двухмоторных самолета. Сейчас заканчивается оборудование аэродромов в селениях Черной, Волочанке и Хатанге.

Условия для работы самолетов весьма трудные. От Дудинки до Хатанги — около тысячи километров. Путь идет над тундрой без всяких земных ориентиров. В зимнее время здесь часты туманы и снежные бураны. Полярный день только лишь начинается.

На перевозку грузов направлены полярные летчики Махоткин, Линдель, Еременко и Грацианский.

БАНДИТЫ РАССТРЕЛЯНЫ

КУЙБЫШЕВ, 24 января. (Корр. «Правды»). Президиум ВЦИК отклонил ходатайство о помиловании А. Розова, В. Федотова, Д. Ещеркина, приговоренных к расстрелу по делу об убийстве делегата Чрезвычайного VIII Всесоюзного С'езда Советов М. В. Прониной. Приговор приведен в исполнение.

НА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВКАХ

В Ленинграде в Русском музее открылась вчера выставка работ И. Е. Репина. 12 огромных зал, где выставлено свыше тысячи картин и карандашных работ великого художника, были переполнены посетителями. Выставка продлится два с половиной месяца.

Выставка картин В. И. Сурикова пользуется у москвичей огромным успехом. 19 января, в день открытия, выставку посетило около 3 тыс. человек, 20-го—1.938 чел., 21-го—1.841 чел., 22-го — 5.275 чел. Вчера количество посетителей достигло рекордной цифры: на выставке побывало 5.911 чел.

Вчера вечером в Киеве в Музее русской живописи открылась выставка этюдов Украины и Молдавии, написанных украинскими художниками в 1936 году. Выставка приурочена к открытию Чрезвычайного XIV С'езда Советов Украины. Она свидетельствует о значительном росте украинских художников.

На выставку было представлено 2.600 работ, из них одобрены и экспонируются 944.

Вчера в Доме союзов открылась московская областная выставка работ художников-самоучек. На выставку поступило более 6 тыс. произведений от 1.354 художников-самоучек. Отобраны и выставлены 850 лучших произведений, принадлежащих 393 авторам.

ПЕСНЯ О ГЕРОЕ БАРАНОВЕ

СВЕРДЛОВСК, 24 января. (Корр. «Правды»). Рассказ о гибели героя-красноармейца, уральца Василия Баранова, замученного в японском застенке (см. «Правду» от 14 января), с волнением читается молодежью. О геройстве Василия Баранова сложена песня. Уральский композитор Трамбицкий пишет для нее музыку.

ПРОИСШЕСТВИЯ

Сгорел дом. Вчера утром в доме № 61/а на 1-й Гражданской улице (Москва) из-за неисправности дымохода и большого накала голландской печи загорелся двухэтажный деревянный дом. Прибывшие четыре пожарные команды застали весь дом в огне. Дом сгорел до-тла. Без крова осталось 93 человека. Погорельцы временно размещены в расположенных рядом домах.

МЕТАЛЛ ЗА 22 ЯНВАРЯ

(в тысячах тонн)

	План.	Выпуск.	% плана.
ЧУГУН	42,8	34,3	80,2
СТАЛЬ	52,5	46,3	88,1
ПРОКАТ	—	15,8	—*)

УГОЛЬ ЗА 22 ЯНВАРЯ

(в тысячах тонн)

	План.	Добыто.	% плана.
ПО СОЮЗУ	—	185,7	—
ПО ДОНБАССУ	—	131,9	—*)

ВЫПУСК АВТОМАШИН ЗА 23 ЯНВАРЯ

	План в штуках	Выпущено	% плана
Автомашин грузовых (ЗИС) — директор тов. Лихачев	Выходной день		
Автомашин грузовых (ГАЗ) — директор тов. Дьяконов	424	316	74,5
Легковые «М-1»	40	30	75,0

*) В связи с выходным днем, кроме блюмингов и рельсо-балочных станов, остальные прокатные станы, часть мартенов и часть угольных шахт не работали.

Снижение выплавки металла Главное управление металлургической промышленности об'ясняет неудовлетворительным обслуживанием доменных и коксовых печей в связи с резким похолоданием на Юге.

РАБОТА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

23 января

Дороги.	Начальники дорог.	Процент выполнения плана погрузки.	Процент выполнения плана разгрузки.	Процент обеспечения вагонами.
Им. Куйбышева	Хрусталев	121	121	185
Ташкентская	Прокофьев	124	107	133
Закавказская	Паверман	118	134	137
Белорусская	Владимирский	100	121	96
Казанская	Баевев	101	96	94
Амурская	Рутенбург	98	83	172
Калининская	Амосов	97	100	85
Ашхабадская	Еремеев	104	106	179
Им. Молотова	Друскис	150	118	158
Ленинская	Банулин	105	89	145
Октябрьская	Синев	105	80	101
Дальневосточн.	Лемберг	114	82	165
Им. Кагановича	Шахгильдян	91	98	129
Северная	Федин	54	67	77
М.-Окружная	Фалеев	95	61	151
Ярославская	Винокуров	96	78	174
Восточносибир.	Крохмаль	98	90	140
Красноярская	Ломакин	80	105	93
Южно-Уральск.	Бодров	82	77	154
Кировская	Ледник	97	91	87
Западная	Русанов	90	107	131
Турксиб	Михайленко	110	78	167
Горьковская	Бадышев	71	80	118
Москва—Донб.	Андреев А. Н.	79	81	133
Юго-Вост.	Врид. Гребенниченко	78	71	145
Юго-Западная	Свириков	70	64	102
Донецкая	Торопченов	84	94	118
Сталинская	Трестер	78	80	94
Ряз.-Уральская	Кавтарадзе	93	79	200
Оренбургская	Ковылкин	65	97	292
Одесская	Суслов	73	93	133
Северокавказ.	Мазеский	58	89	157
Сталинградск.	Гродис	71	100	178
Южная	Шушков	79	82	126
М.-Киевская	Жуков	68	64	138
Им. Дзержинского	Кучмин	95	71	155
Омская	Андреев С. А.	90	86	92
Томская	Ваньян	78	86	107
Им. Ворошилова	Дашко	53	71	170

Погружено всего: 72.257 ваг. 85,0 проц.
Разгружено » 73.766 » 86,3 »

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

С сегодняшнего дня издательство «Правды» резко увеличило розничную продажу «Правды» в Москве и Ленинграде.

Продажа газеты производится во всех киосках.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗД-ВА: Москва, 40, Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-00; Партийный — Д 3-10-88; Соц. строительства — Д 3-11-12; Военный — Д 3-32-07; Сельхоз. — Д 3-10-88; Промышленность и транспорт — Д 3-11-04; Торгово-финансовый — Д 3-10-84; Иностранный — Д 3-11-08; Информация — Д 3-15-80; Письма рабоч. и колхоз. — Д 3-10-80; Обзоры печати — Д 3-30-73; Школа, наука и быт — Д 3-11-13; Искусства — Д 3-11-06; Местная сеть — Д 3-15-47; Фельетоны — Д 3-30-65; Критика и библиогр. — Д 3-11-07; Иллюстрационный — Д 3-33-85; Секретариат редакции — Д 3-15-84; Корреспондент. бюро — Д 3-15-00; Отдел об'явлений — Д 3-30-12; О недоставке газеты в срок сообщать по телефонам: Д 3-30-61 или Д 3-32-44.

Уполномоченный Главлита № В—26262. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 24.